МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ладынин Иван Андреевич

Начало македонского времени в категориях традиционного мировоззрения древних египтян конца IV – начала III вв. до н.э.

Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Официальные оппоненты – *Большаков Андрей Олегович,*
доктор исторических наук,
ФГБУК «Государственный Эрмитаж», заведующий Сектором Древнего Востока Отдела Востока

Демидчик Аркадий Евгеньевич,
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», профессор кафедры теории, истории культуры и музеологии Института истории, гуманитарного и социального образования

Климов Олег Юрьевич,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима Института истории

Защита диссертации состоится «_____» _____ 2018 г. в ____ часов на заседании Диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова» (Москва, Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: http://istina.msu.ru/dissertations/83864982/

Автореферат разослан «_____» _____ 201_ г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук Е.В. Романова

Актуальность темы. Настоящее исследование посвящено восприятию египтянами в категориях их мировоззрения конца IV – начала III вв. до н.э. установления власти над их страной македонских правителей. Применительно к задачам работы традиционное мировоззрение древних египтян – это совокупность их взаимосвязанных представлений о сакральном характере власти легитимных царей; о месте Египта в мире, о его взаимоотношениях с другими странами и о роли в них сакральных царей; о закономерностях хода истории Египта. Термин «начало македонского времени» обозначает период с 332 г. до н.э. (вступление Александра Великого в Египет) по 305/4 г. до н.э. (принятие сатрапом Египта Птолемеем царского титула). Определить его как «начало эллинизма» неправильно, поскольку термин «эллинизм» определяет состояние обществ Ближнего и Среднего Востока, характеризующееся активным взаимодействием эллинского и восточного начал[1], а на протяжении этого времени оно лишь зарождалось. Назвать этот период «началом эпохи Птолемеев» также неверно, поскольку Птолемей, сын Лага, лишь к концу его первого десятилетия стал правителем Египта и лишь по его истечении – легитимным царем страны.

Актуальность темы нашего исследования определяется следующим. Во-первых, изучение взаимного восприятия носителей разных культурных традиций (т.н. проблематика «Своего» и «Чужого», «образа Иного», «диалога культур» и т.п.) – значимое направление исторических исследований на материале разных стран и эпох[2]. Однако применительно к древнему Египту оно разрабатывалось не столь часто и обычно в аспекте отражения контактов египтян с иноземцами в литературе и искусстве[3], а не реального взаимодействия между ними на материале источников конкретных эпох. Опытом такого предметного исследования «образа Иного» в сознании египтян можно считать наше исследование презентации

---

[1] *Зельин К.К.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. Вып. XXII. С. 104.

[2] См. в теоретическом аспекте: *Репина Л.П.* Диалог культур в контексте истории и в историческом познании // *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 251—286; в применении к древности, преимущественно на античном материале: *Gruen E.S.* Rethinking the Other in Antiquity. Princeton, 2011.

[3] См., например: *Loprieno A.* Topos und Mimesis. Zum Ausländer in der ägyptischen Literatur. Wiesbaden, 1988; *Chimko C.J.* Foreign Pharaohs: Self-legitimization and Indigenous Reaction in Art and Literature // JSSEA. 2003. Vol. 30. P. 15—57; *Saretta P.* Asiatics in Middle Kingdom Egypt: Perceptions and Reality. Bloomsbury Egyptology. L.; N.Y., 2016.

македонских правителей в египетских памятниках и восприятия египтянами соседствовавшей с ними межрегиональной азиатской державы.

Во-вторых, в восприятии египтянами македонских правителей конца IV в. до н.э. было принципиально их признание или непризнание легитимными сакральными царями, а также оформление в египетских категориях статуса сатрапа Птолемея – неограниченного фактического правителя Египта, но при этом не царя. Древнеегипетская царская власть, в т.ч. сакральность царей, – важнейшая тема исследований в египтологии едва ли не с ее возникновения. Однако соответствующий материал суммировался для отдельных эпох по принципу скорее классификации относящихся к ним текстов и их терминологии[4], нежели комплексного исследования отраженных в них идеологем. В отечественной египтологии осознана значимость этой темы, но ей посвящена лишь одна монография[5]. В мировой египтологии слабо обобщен материал по царской идеологии Позднего времени, к которому примыкает рассматриваемый нами период. Наконец, важный, но малоразработанный аспект данного комплекса проблем – выявление ситуаций, когда способность царя совершать ритуал оказывалась для египтян под вопросом (этот аспект обозначен, но все же не разработан подробно египтологами петербургской школы[6]). В нашем исследовании подробно и комплексно рассмотрены презентация Аргеадов как легитимных сакральных царей Египта и их оппозиционное восприятие египетской элитой, а также разработка в египетской идеологии 310—300-х гг. до н.э. специфического статуса сатрапа Птолемея. В целом работа предлагает исследование египетских представлений о царской власти начала македонского времени в их взаимодействии и взаимосвязи.

В-третьих, начало македонского времени не могло не осмысливаться египтянами как важнейший рубеж в истории их страны. Исследование этого аспекта его восприятия предполагает обращение к представлениям египтян

---

[4] *Blumenthal E.* Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches. I. Die Phraseologie. B., 1970.; *Grimal N.-Chr.* Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIX dynastie à la conquète d'Alexandre. P., 1986; *Blöbaum A.I.* “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Aachen, 2006.

[5] *Демидчик А.Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005.

[6] (*Берлев О.Д.*,) *Шэхаб Эль-Дин Т.М.* Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV—VIII династий. Дисс. … к.и.н. СПб., 1993. С. 90; *Демидчик*. Ук. соч. С. 46—47, прим. 3.

Позднего времени о прошлом. Оно затруднено тем, что собственно египетских источников, фиксирующих такие представления, мало. Часто они известны исследователям через посредство античной традиции, что порождает вопрос об адекватности их передачи. Изучение позднеегипетской историографии – развивающееся направление египтологии, в котором теперь представлено авторитетное мнение о достоверности античной передачи египетских представлений о прошлом и о наличии в них не просто новеллистической характеристики деяний отдельных царей, но и более сложных схем[7]. В нашей работе они изучаются на материале традиции Манефона Севеннитского, а также ряда историко-пропагандистских конструктов; при этом не только рассмотрено восприятие в них Александра Великого и Птолемея, сына Лага, как рубежных фигур египетской истории, но и выявлены базовые принципы позднеегипетской историографии.

Источниковая база исследования – египетские памятники начала македонского времени, предшествующего ему времени второго персидского владычества и следующего за ним начала птолемеевского времени, а также свидетельства грекоязычных и латинских источников разных эпох (вплоть до византийского времени), восходящие к этому же временному диапазону. Интерпретация этих свидетельств в контексте идеологии и историографии Египта Позднего времени предполагает обращение к египетским источникам и к данным античной традиции, датируемым и вне рамок обозначенного периода.

Среди ***египетских письменных источников*** начала македонского времени наиболее обширен и значим текст «Стелы сатрапа» 311 г. до н.э. (CM 22182 = JE 22263; Urk. II. 11—22): в работе анализируются как его данные, так и особенности оформления навершия этого памятника. Полный комментированный перевод текста «Стелы…» и экскурсы по связанным с ним проблемам вынесены в приложение к работе.

Наиболее обширная категория египетских нарративов данного периода – *автобиографические надписи представителей египетской элиты*. События и обстановка второго персидского владычества и царствований Аргеадов в Египте

[7] *Redford D.B.* Pharaonic Kings-Lists, Annals and Day-Books: A Contribution to the Study of the Egyptian Sense of History. Missisauga, 1986; *Gozzoli R.B.* The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millenium B.C. (ca. 1070—180 BC). Trends and Perspectives. L., 2006.

отражены в памятниках вельмож и жрецов из Гераклеополя (автобиографическая надпись Сематауитефнахта на т.н. Неаполитанской стеле – Неаполь, Национальный археологический музей, 1035; Urk. II. 1—6; надписи на статуях Хора Louvre A88 и из Греко-римского музея в Александрии, без номера[8]), в биографии жреца Ашахета на скульптурной группе из Карнака, изображающей его с его женой и с сыном Пашериентаисуи (CM JE 36576). Свидетельства о времени сатрапии Птолемея есть в надписях на статуях «мемфисского анонима» (Wien ÄS 20) и «анонима из Баклии» (Национальный музей Карфагена, Тунис, 883.1). Сведения о храмовом строительстве и обеспечении храмов утварью есть в граффити фиванских жрецов Анхпахереда и Капефхамонту на стене Луксорского храмового комплекса (PM^2 II. 335 (219a—b)) и в надписях на памятниках Джед-Хора по прозвищу «Спаситель» (*pꜣ Šd*) из Атрибиса (на целительной статуе CM 46341, наофорной статуе CM 4/6/9/1 и пьедестале статуи OI 10589). Наконец, комплекс данных об этом времени предоставляет гробница жреца Петосириса в Туна эль-Гебель близ Гермополя (PM IV. 169—174). Мы использовали подробно его т.н. «Большую биографическую надпись», фрагментарно – другие тексты его гробницы, а также проанализировали концепцию ее оформления. Возможно, к началу македонского времени относятся автобиографические надписи Уннефера из его гробницы в Саккара (PM III^2/2) и сына Нектанеба II на опорном столбе его статуэтки[9].

Большой массив материала составляют *храмовые постройки*, возведенные и восстановленные в Египте в начале македонского времени. Среди них наиболее значимы те, что относятся к программам строительства времени Александра Великого и Филиппа Арридея в Фивах (святилище барки Амона-Ра в Луксоре: PM^2 II. 324—326; помещения храма Ахмену в Карнаке: PM^2 II. 119—120 (394—398); «гранитное святилище» в Карнаке: PM^2 II. 98—101) и Гермополе (фасад храма Тота: PM IV. 165, 167). Работы велись также в храмах Атрибиса, Хорбейта, Севеннита, Нуб Таха, Элефантины, в пунктах близ Гермополя (Спеос Артемидос и Туна эль-Гебель); возможно, при Александре возвели святилище в Каср эль-

[8] *Vercoutter J.* Les statues du général Hor, gouverneur d'Hérakleopolis, de Busiris et d'Héliopolis (Louvre A88, Alexandrie, s.n.) // BIFAO. 1950. T. 49. P. 100—108, pl. IV—V. Здесь и ниже мы ссылаемся на публикации памятников, которые не можем указать по номеру в музейной коллекции или по иному общепринятому индексу.

[9] *Clère J-J.* Une statuette du fils ainé du roi Nectanabô // RdÉ. 1951. T. 6. P. 135—156.

Мегисба в оазисе Бахария. Уже к началу III в. до н.э. должен относиться обнаруженный вблизи него постамент с пятисоставной царской титулатурой Александра Великого и примечательной греческой надписью[10]. Важны для нашего исследования *предметы культовой утвари* начала македонского времени (фрагменты клепсидр: ДВ 2507а – царствования Александра Великого или Александра (IV); BM 933 – царствования Александра Великого; BM 938 – царствования Филиппа Арридея), а также *памятники, связанные с культом священных животных* (стела Bucheum 2=BM 1697+1719 Года 4 Александра Великого, т.е. конца 329 г. до н.э.; надпись на крышке саркофага Аписа Года 2 Хаббаша, т.е. 336 или 335 г. до н.э.[11]).

Кроме египетских источников начала македонского времени и примыкающих к нему периодов, мы по необходимости рассматриваем источники более широкого временного диапазона, отразившие свойственные этому времени тенденции идеологии царской власти. В *«Демотической хронике»* (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto*), записанной в известной нам версии, видимо, в III в. до н.э., деятельность царей IV в. до н.э. оценивается в категориях идеологии этого времени и начала эллинизма. Из *царских текстов IV—III вв. до н.э.* мы используем «Стелу Навкратиса» Нектанеба I (CM JE 34002), Мендесскую стелу Птолемея II Филадельфа (CM 22181 = JE 37089; Urk. II. 28—54), «декрет Рафии» Птолемея IV Эвергета[12]. При анализе представлений IV в. до н.э. о царской сакральности мы обращаемся к т.н. *«соколам-Нектанебам»* – скульптурным группам, изображающим Нектанеба II перед соколом-Хором[13], сравнивая их со сфинксами Нектанеба I на аллее между Карнаком и Луксором[14]. Идеологемы, отражающие отношения Египта с окружающим миром, содержатся в религиозно-магическом тексте IV в. до н.э. – *«Книге победы над Сетом»* (pLouvre 3129, стлбб. B, 39 – E, 42; pBM 10252, стлбб. 13.1 – 18.27; Urk. VI. 1—59).

---

[10] *Bosch-Puche F.* L'"autel" du temple d'Alexandre le Grand à Bahariya retrouvé // BIFAO. 2008. T. 108. P. 29—44.
[11] *Gunn B.* The Inscribed Sarcophagi in the Serapeum // ASAÉ. 1926. Vol. 26. P. 86—87.
[12] *Thissen H.-J.* Studien zum Raphiadekret. Meisenheim, 1966.
[13] *Jenni H.* Die Dekoration des Chnumtempels auf Elephantine durch Nektanebos II. Mainz, 1998. S. 88, 90, 92—94.
[14] *Abd el-Razik M.* Study on Nectanebo Ist in Luxor Temple and Karnak // MDAIK. 1968. Bd. 23. S. 156—159.

Не относятся к началу македонского времени, но отражают его оценку как исторического рубежа *демотические тексты историко-пропагандистского содержания*. Это «Демотическая хроника», а также «Пророчество ягненка», известное в списках римского времени, но восходящее к эпохе эллинизма (p.dem.Vindob. 10000). Очевидно, оба текста складывались долгое время, вбирая в себя «пласты» реминисценций разных эпох I тыс. до н.э.: их реплики времени Аргеадов – лишь один из таких пластов.

Использованные нами данные ***античных нарративов*** делятся на две группы. К первой, меньшей, можно отнести *свидетельства античных исторических источников* (труды Диодора Сицилийского, историков Александра, эпитома *Historia Philippica* Помпея Трога, свидетельства позднеантичной и византийской традиции) о событиях второго персидского владычества и царствований Аргеадов, в которых проявилось отношение иноземных правителей к Египту и к его религиозно-идеологической традиции. Эти сведения не имеют для нашего исследования самостоятельного значения и рассматриваются при интерпретации египетских источников и античных нарративов, которые мы относим ко второй группе. Эту вторую, более обширную группу античных источников, анализ которых является одной из основных задач нашего исследования, составляют *свидетельства античной традиции, отразившие мотивы египетской пропаганды начала македонского времени*. По-видимому, ко времени сатрапии Птолемея относятся свидетельства об ущемлении египтян наместником Александра Клеоменом из Навкратиса (трактате Псевдо-Аристотеля «Экономика»), о святотатствах Артаксеркса III в Египте (Плутарх, Клавдий Элиан, словарь «Суда»). Очень разрознены свидетельства восприятия Птолемея как рубежной фигуры в истории Египта (в т.ч. в соотнесении с Александром Великим как также рубежной и парной ему фигурой): это сообщения, отразившие закрепление за ним эпитета «Сотер» (традиция Клитарха Александрийского, Калликсен Родосский о торжественной процессии в Александрии при Птолемее II) и представление о прилете в Египет в его время феникса (Тацит, Плиний Старший). Наконец, комплекс свидетельств о пропагандистских фикциях, бытовавших в египетской среде, очевидно, в первой половине III в. до н.э., содержат фрагменты

позднеантичного «Романа об Александре» (версий А и γ), восходящие к его раннему александрийскому прототипу[15].

Интерпретация этих свидетельств невозможна вне контекста собственно египетских источников или таких античных источников, отражение в которых египетских представлений достоверно. Для свидетельств о Клеомене из Навкратиса и о кощунствах Артаксеркса III такой контекст создают «Книга победы над Сетом» и фрагменты «Стелы сатрапа»; для свидетельств об Александре и Птолемее как рубежных фигурах истории Египта – источники, отразившие реальные представления египтян I тыс. до н.э. о прошлом их страны либо основанные на его реминисценциях историко-пропагандистские фикции (фрагменты Манефона Севеннитского, античные нарративы, удержавшие исходившие от египтян свидетельства, – труды Геродота, Исократа, Диодора Сицилийского, эпитома Помпея Трога, фрагменты Дикеарха Мессенского и Гекатея Абдерского).

Степень изученности проблемы. На сегодняшний день нет общих монографических исследований, в которых суммировались бы все данные о восприятии египтянами формальных и реальных правителей Египта начала македонского времени, а также его самого как этапа в истории их страны. Это объясняется длительным развитием египтологии и изучения эллинизма в значительной изоляции друг от друга. Начало их синтеза со второй половины XX в. (в работах Дж.Гв. Гриффитса, А.Б. Ллойда, Х. Хайнена и его учеников) – важная и благоприятная предпосылка для обращения к данной проблематике.

Основные памятники храмового строительства времени Аргеадов в Египте были выявлены еще в XIX в., а массив египетских частных памятников этого времени – к середине XX в. Обращение к ним египтологов (в основном в формате статей или экскурсов в более общих работах) пришлось на вторую половину XX – начало XXI вв. Не все храмовые сооружения начала македонского времени были удовлетворительно опубликованы[16] или подробно изучены[17]; однако с 1980-х гг.

---

[15] *Berg B.* An Early Source of the Alexander Romance // GRBS. 1973. Vol. 14. P. 381—387.

[16] *Abd el-Razig M.* Die Darstellungen und Texte des Sanktuars Alexanders des Großen im Tempel von Luxor. Mainz, 1984; *Bickel S.* Die Dekoration des Tempelhaustores unter Alexander IV. und der Südwand unter Augustus // *Jenni H.* Die Dekoration des Chnumtempels auf Elephantine durch Nektanebos II. Mainz, 1998. S. 117—150, Abb. 2—18.

[17] См. обращения к святилищу, восстановленному при Александре Великом в храме Ахмену в Карнаке: *Barguet P.* Le temple d'Amon-Rê a Carnak: Essai d'éxegèse. Le Caire, 1962. P. 193—197;

обозначилась полемика по вопросу, была ли программа этого строительства политически и идеологически актуальной для македонских правителей и инициировалась ли она ими[18] (а не местным жречеством[19]). Более веско прозвучал отрицательный ответ на этот вопрос; однако он игнорирует концентрацию храмового строительства времени Аргеадов в двух культовых центрах – в Фивах и Гермополе, что скорее определялось решением общеегипетской власти. При этом отмечалась преемственность храмового строительства при Аргеадах от программ XXX династии и его связь с программами уже птолемеевского времени[20]. В обращениях к египетским царским титулатурам Аргеадов возобладало мнение о наличии в них концепций их царствований, адресованных, очевидным образом, их египетским подданным[21]; однако пока этот материал не рассматривался в широком контексте других египетских памятников данного периода. В 2000—2010-е гг. Ф. Боск-Пуче систематизировал варианты египетской титулатуры Александра[22] и, в

Schäfer D. Alexander der Große. Pharao und Priester // Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz. Frankfurt a.M., 2007.. S. 60—63, Taf. 1—18; к «гранитному святилищу» Филиппа Арридея: Barguet. Op. cit. P. 136—141; *Lacau P., Chevrier H.* Une chapelle d'Hatchepsout à Karnak. T. 1: Texte. Le Caire, 1977. P. 401—412; к строительству от имени Аргеадов в Гермополе: *Snape S.R., Bailey D.M.* The Great Portico at Hermopolis Magna. L., 1988.

[18] *Martinez Ph.* Réflexions sur la politique architecturale et religieuse des premiers souverains lagides // BSÉG. 1989. T. 13. P. 107—116; *Menu B.* Le tombeau de Pétosiris (4): Le souverain de l'Égypte // BIFAO. 1998. T. 98. P. 247—262; отчасти: *Blöbaum A.I.* "Denn ich bin ein König, der Maat liebt". S. 280.

[19] *Chauveau M., Thiers Chr.* L'Égypte en transition: des Perses aux Macédoniens // La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques (vers 350—300 av. J. C.). P., 2006. P. 397—399.

[20] *Traunecker Cl.* La chapelle de Khonsou du mur d'enceinte et les travaux d"Alexandre // Cahiers de Karnak. 1987. T. 8. P. 352—353; *Arnold D.* Temples of the Last Pharaohs. N.Y.; Oxford, 1999. P. 138 *Blyth E.* Karnak: Evolution of a Temple. L.; N. Y., 2006. P. 223.

[21] *Blöbaum.* Op. cit. S. 239 (мнение о формировании титулатур Аргеадов по моделям Нового царства); *Hölbl G.* Königliche Legitimität und historische Umstände im Spiegel der pharaonischen Titulaturen der griechisch-römischen Zeit // Sesto Congresso Internazionale di Egittologia (Torino, 1—8 sett. 1991). Atti: I. Turin, 1992. P. 273—275; *Idem.* Zur Legitimation der Ptolemäer als Pharaonen // Selbstverständnis und Realität: Akten des Symposiums zur ägyptischen Königsideologie in Mainz 15.—17.6.1995. Wiesbaden, 1997. S. 23—24 (мнение о наличии в основе каждой из этих титулатур нюансированной и актуальной программы).

[22] *Bosch-Puche F.* The Egyptian Royal Titulary of Alexander the Great, I: Horus, Two Ladies, Golden Horus, and Throne Names // JEA. 2013. Vol. 99. P. 131—154; *Idem.* Alexander's Egyptian Names in the Barque Shrine at Luxor Temple // Alexander the Great and Egypt: History, Art, Tradition. Wiesbaden, 2014. P. 55—88; *Idem.* The Egyptian Royal Titulary of Alexander the Great, II: Personal Name, Empty Cartouches, Final Remarks, and Appendix // JEA. 2014. Vol. 100. P. 89—109; *Bosch-Puche F., Moje J.* Alexander the Great's Name in Contemporary Demotic sources // JEA. 2015. Vol. 101. P. 340—348.

частности, опубликовал памятник из оазиса Бахария с его уникальной пятисоставной титулатурой[23].

Первый опыт серьезной классификации египетских частных памятников Позднего и греко-римского времени предприняла У. Рёсслер-Кёлер[24]. В основу ее работы было положено наблюдение, что если чужеземный или даже египетский правитель был неприемлем как легитимный царь, то в частных памятниках ритуальные качества переносились с него на то или иное божество или, реже, на самого «владельца» памятника. Памятники начала македонского времени рассмотрены вместе с памятниками XXVIII—XXX династий и начала царствования Птолемея I[25]. Общая характеристика на их основе идеологической ситуации начала македонского времени (как и в целом IV в. до н.э.) сводится к констатации достаточно негативного отношения египетской элиты к царской власти: для этого времени перенос сакрального статуса с царя на богов или частных лиц – преобладающая тенденция. Слабость этой работы – в стремлении ее автора разграничить явления, плохо поддающиеся строгой классификации (например, модели отношения владельцев частных памятников к царской власти – с присвоением им буквенно-цифровых индексов). Кроме того, в работе учтены лишь наиболее информативные памятники и нет анализа ряда текстов (например, граффито Анхпахереда из Луксора), которые сделали бы ее выводы более нюансированными.

Серия статей Б. Меню посвящена гробнице Петосириса – наиболее информативному частному памятнику начала македонского времени[26]. Меню считала Петосириса и жрецов других египетских храмов (прежде всего, в Фивах) создателями царской идеологии времени Александра и инициаторами программ

---

[23] *Bosch-Puche.* L'"autel" du temple d'Alexandre le Grand… (ср.: *Winter E.* Alexander der Grosse als Pharao in ägyptischen Tempeln // Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städeliches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005 – 26.Februar 2006. Frankfurt a.M., 2005. S. 207; *Blöbaum*. Op. cit. S. 423).

[24] *Rössler-Köhler U.* Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung. Wiesbaden, 1991. S. 16—26.

[25] *Idem*. S. 277—294.

[26] *Menu B.* Le tombeau de Pétosiris: Nouvel examen // BIFAO. 1994. *T.* 94. P. 311—327; *Eadem.* Le tombeau de Pétosiris (2): Maât, Thot et le droit // BIFAO. 1995. T. 95. P. 281—295; *Eadem.* Le tombeau de Pétosiris (3): Culpabilité et responsabilité // BIFAO. 1996. T. 96. P. 343—357; *Eadem.* Le tombeau de Pétosiris (4): Le souverain de l'Égypte // BIFAO. 1998. T. 98. P. 247—262.

его храмового строительства. Активная роль в создании идеологии этого времени отводится и македонянам, что предполагает их широкое и обоюдно-заинтересованное сотрудничество с элитой Египта. Восстановление памятников Тутмоса III и Аменхотепа III в Фивах при Александре знаменовало его преемство от этих царей. Мимо статей Меню нельзя пройти, однако им свойственна увлеченная переоценка осведомленности македонских правителей о нюансах египетской идеологии[27].

Важна монография Ж. Горра, посвященная анализу на материале частных памятников взаимоотношений египетского жречества и государства Птолемеев[28]. Владельцы по меньшей мере девяти учтенных в ней памятников – современники начала македонского времени (тем самым анализ Горра полнее, чем у Рёсслер-Кёлер). Как показано в книге, ряд лиц, начавших карьеру при XXX династии и втором персидском владычестве, теряют часть своих полномочий при Аргеадах; но тогда же появляются «новые люди» относительно незнатного происхождения, приспосабливающиеся к новой ситуации. В целом египтяне играют скорее вспомогательную роль при македонской администрации, а их элита не образует «единого фронта»: «новые люди» могут проявлять оппортунизм, признавая сакральность Аргеадов, а традиционная знать склонна искать замену им в божествах или в собственной роли в совершении ритуалов и храмовом строительстве. Последнее, по мнению Горра, инициируется в основном самими жрецами.

Трудно охарактеризовать историографию важнейшего иероглифического источника начала македонского времени – *«Стелы сатрапа»*, текст которой много раз переводился и обсуждался в книгах и статьях по проблемам египтологии и истории эллинизма. Итоги этого подведены в книге Д. Шефер, содержащей перевод и комментарий этого памятника, а также его оценку в широком историческом контексте[29]. Комментируя текст «Стелы…» Шефер учла более ранние мнения в связи с его отдельными фрагментами, провела тщательный поиск параллелей его фразеологизмам, подробно охарактеризовала отразившиеся в нем

---

[27] См. в особенности: *Menu B.* Alexandre le Grand, *ḥḳꜣ n Kmt* // BIFAO. 1999. T. 99. P. 353—356.
[28] *Gorre G.* Les rélations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privées. Leuven, 2009.
[29] *Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern. Leuven, 2011.

исторические события. Однако далеко не полно обращение Шефер к таким проблемам, как соотношение в концепции «Стелы…» статусов Александра (IV) и сатрапа Птолемея, роль в ней бога Хора, интерпретация некоторых собственных имен (в последнем Шефер склонна следовать сугубо формальным аргументам, не замечая возникающие при этом исторические несообразности).

По существу, не разрабатывалась *проблема презентации начала македонского времени как нового исторического этапа* в египетской историографии и в пропагандистских конструктах I тыс. до н.э. Среди немногих обращений к ней стоит обратить внимание на статью классика египтологии Г. Масперо, в которой была выявлена египетская основа знаменитого мотива «Романа об Александре» о рождении македонского завоевателя от связи Нектанеба II и Олимпиады и отмечена значимость его сопоставления с великим царем египетского прошлого Сесонхосисом[30]. В известной работе С.К. Эдди присутствует достаточно безоглядная квалификация очень разных египетских мотивов (как пропагандистских, так и исторических: традиции о Сесострисе, мотивов «Романа об Александре», «Демотической хроники», «Оракула горшечника», известных тогда фрагментов «Оракула ягненка») как оппозиционной реакции на македонское владычество[31]. Справедливые наблюдения о наличии реплик начала македонского времени в «Демотической хронике» были сделаны В.В. Струве[32] и П. Каплони[33]. Однако отдельные удачные наблюдения такого плана были скорее случайны и не связаны с выявлением в источниках закономерностей позднеегипетской историографии.

Из *работ общего характера по проблемам истории и идеологии Египта в начале македонского времени* стоит отметить монографию В. Хусса[34]. По его мнению, с начала эллинизма забота «государства» о храмах («церкви» в его терминологии) проявляется в строительстве в них и в возвращении во время войн

---

[30] *Maspero G.* Comment Alexandre devint dieu en Égypte // École pratique des hautes études, Section des sciences historiques et philologiques. Annuaire 1897. P. 5—30.

[31] *Eddy S.K.* The King is Dead: Studies in the Near Eastern Resistance to Hellenism, 334—31 B.C. Lincoln, 1961.

[32] *Струве В.В.* У истоков романа об Александре // Восточные записки. Т. 1. Л., 1927. С. 131—146.

[33] *Kaplony P.* Bemerkungen zum ägyptischen Königtum vor allem in der Spätzeit // CdÉ. 1971. T. 46. P. 250—274.

[34] *Huß W.* Der makedonische König und die ägyptischen Priester: Studien zur Geschichte des ptolemaiischen Ägypten. Stuttgart, 1994.

некогда похищенных из Египта культовых предметов. До начала II в. до н.э. македонские цари воздерживались от принятия на себя ритуальных функций при помощи коронации по египетскому обряду. Сотрудничество с ними «церкви» выразилось в занятии жрецами государственных и придворных должностей, в поддержке внешней политики македонских правителей, в деятельности Манефона Севеннитского. Оппозиционные настроения жречества Хусс нашел практически во всех восходящих к этой среде нарративах («Демотической хронике», «Оракуле горшечника» и «Пророчестве ягненка», традиции о Нектанебе). Исследователя можно упрекнуть в формализме: ясно, что занятие административных или придворных должностей само по себе не обязательно свидетельствовало о лояльности египтянина македонской власти. В целом слабости этой работы связаны с недостаточным владением ее автором-антиковедом специфически египетскими источниками.

На сегодняшний день в изучении начала македонского времени в Египте обозначены подходы к разработке практически всех аспектов этой общей темы; слабый момент ее исследований – недостаточная интеграция их результатов. Мало взаимодействуют между собой исследования даже собственно египетских памятников времени Аргеадов; что касается более широких обобщений с учетом данных античной традиции, его опыты (помимо монографии В. Хусса, более давние работы В.В. Струве[35] и П. Каплони), в общем, были не слишком удачны.

Объект исследования – охарактеризованная совокупность источников, относящихся к периоду начала македонского времени либо отражающих его реалии. ***Предмет исследования*** – особенности восприятия древними египтянами начала македонского времени в свете важнейших констант их мировоззрения, сложившихся к этому этапу (представлений о царе и царской власти, о критериях оценки обладателей царского статуса, о месте Египта в мире и о характере его взаимодействия с другими странами, о закономерностях хода истории Египта).

Цель исследования состоит в том, чтобы на основания изучения источниковой базы работы определить специфические черты восприятия начала македонского времени древними египтянами, оценивая при этом степень

[35] *Струве В.В.* Манефон и его время. СПб., 2003. С. 55—173.

преемственности этих черт с предыдущими этапами в эволюции их мировоззрения. Для достижения данной цели в работе предстоит решить следующие ***задачи***:

охарактеризовать основные константы мировоззрения древних египтян, связанные с восприятием ими своей страны и ее места в мире (представления о царской власти, о взаимодействии Египта с другими странами, об историческом процессе в древнем Египте), которые сложились до македонского времени, уделяя особое внимание их состоянию непосредственно накануне данного периода (глава 1);

исследовать общий характер и специфические черты презентации в Египте македонских царей династии Аргеадов и сатрапа Египта Птолемея с точки зрения их следования традиционным для египетского мировоззрения моделям поведения (принятие статуса сакральных царей и составление титулатур, отражающих концепцию их царствований, осуществление храмового строительства и участие в ритуалах, проявление благожелательного внимания по отношению к жизни храмов; глава 2);

исследовать реакцию представителей египетской элиты, в т.ч. жречества, на установление над Египтом власти македонских царей (готовность или неготовность признавать за ними статус сакральных правителей, способных совершать ритуал, употреблять по отношению к ним соответствующие титулы и обозначения, перенесение на них топосов, маркирующих в египетской традиции негативное отношение к чужеземным правителям; глава 3);

исследовать специфическое положение сатрапа Птолемея с конца 310-х гг. до н.э. как неограниченного правителя Египта, не имеющего при этом царского статуса (глава 2, § 2.4, глава 3, § 3.1.3);

исследовать восприятие египтянами взаимодействия их страны на протяжении второго персидского владычества и начала македонского времени с межрегиональной азиатской державой (государством Ахеменидов и державой Аргеадов) и изменения в отношении к этой державе в течение этого времени (включая памятники, в которых проявилось представление об Александре Великом как о властителе межрегиональной азиатской державы или о создателе системы миродержавия; главы 4, 6);

исследовать восприятие начала македонского времени как рубежного этапа истории Египта в соответствии с концепциями египетской историографии I тыс. до н.э., в т.ч. в их специфическом приложении к задачам пропаганды (глава 5);

подробно исследовать значение отразившегося в «Романе об Алексндре» восприятия Александра Великого как «возрожденного Сесонхосиса, миродержавца» в контексте характерного для египетской традиции I тыс. до н.э. представления о великом царе далекого прошлого – завоевателе и устроителе; выявить связь этого восприятия с циклической картиной исторического процесса, свойственной египетской историографии I тыс. до н.э., и с другими константами мировоззрения древних египтян (глава 6);

представить перевод и комментарий ряда источников, требующих в рамках решения задач работы подробного обращения к их текстам (автобиографическая надпись на статуе «анонима из Баклии» – глава 2, § 2.4.3; тексты на фрагменте клепсидры из Государственного Эрмитажа – глава 3, § 3.1.2; автобиографическая надпись на статуэтке сына Нектанеба II – глава 3, § 3.5.2; текст стелы Bucheum 2 – глава 4, § 4.2; текст «Стелы сатрапа» – приложение).

Необходимое пояснение к формулировке задач нашей работы состоит в следующем: для достижения поставленной в ней цели нет необходимости в интерпретации хорошо известных свидетельств античной традиции о признании Александра Великого сыном Зевса-Аммона (Амона-Ра) в его святилище в оазисе Сива в начале 331 г. до н.э. Значение этого эпизода состояло не в подтверждении сакрального статуса Александра в Египте, а в трансляции связанных с этим представлений (в первую очередь – о рождении царя от божества) в греческий мир. В контексте нашего исследования этот эпизод может дать лишь еще одно, причем не самое информативное, подтверждение официального признания Александра сакральным царем Египта, при том что его подробная интерпретация лежит в сфере изучения царского культа Александра в греко-македонской среде.

Хронологические рамки исследования определяются обоснованным нами значением термина «начало македонского времени» применительно к периоду с конца 332 г. до н.э. и до 305/4 г. до н.э. Рассматриваемые в рамках исследования источники отражают реалии этого периода и в значительной мере относятся непосредственно к нему. За рамки данного периода при исследовании его

восприятия египтянами мы выходим в двух случаях: при обращении к ситуации второго персидского владычества, сформировавшей ряд реалий начала македонского времени и породившей на этом этапе реплики в сознании египтян (см. главу 4, § 4.1—4.4), и к тенденциям пропаганды Птолемеев, вносившим новые мотивы в восприятие царствования Александра Великого (см. главу 4, § 4.5, главу 6, § 6.4). Кроме того, определяя состояние мировоззрения древнего Египта к началу эллинистического времени мы исследуем египетские источники в широком временном диапазоне VI—III вв. до н.э. (включая традицию, восходящую к труду Манефона Севеннитского; см. главу 1); изучая восприятие Александра Великого как «возрожденного Сесонхосиса, миродержавца», мы исследуем данные античной традиции в диапазоне от V в. до н.э. (Геродот) до поздней античности (эпитома *Historia Philippica* Помпея Трога).

Методологическая основа исследования. В целом достижение цели нашего исследования лежит в сфере применения историко-системного метода, предполагающего восприятие явлений прошлого (в нашем случае – совокупности представлений древних египтян о начале македонского времени) как целостных исторических систем и анализирующего их структуру, функции, внутренние и внешние связи и динамические изменения[36]. Оценка места, которое восприятие египтянами начала македонского времени занимает в целом в эволюции их идеологии и мировоззрения, совместима с методологическими установками принципа историзма, т.е. с рассмотрением исторических явлений в их эволюции, с учетом воздействовавших на нее факторов. Обращение к топосам, формировавшим в представлениях египтян IV в. до н.э. образ легитимного царя и служившим критериями его оценки, к ритуалам царской власти, и, наконец, к реализации тех и других применительно к македонским правителям можно назвать применением методики исторической имагологии: ее разновидность – потестарная имагология – изучает образы власти, «возникающие, распространяющиеся, трансформирующиеся и исчезающие в ходе символического взаимодействия (или, если угодно, символической коммуникации) между правителями и их

[36] *Мазур Л.Н.* Историко-системный метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 156.

подданными»[37]. Имагологический подход реализуется и при обращении к топосам и мотивам восприятия египтянами других стран и народов и к их представлениям о межрегиональной азиатской державе и ее правителях.

Необходимые пояснения о специфических методических принципах нашей работы сводятся к следующему. Мы считаем, что «нетождество» древнего и современного сознаний определяется не разницей в аксиоматике мышления людей архаики и современности, а иным, по сравнению с современностью, уровнем знаний людей архаики об окружающем мире и, в связи с этим, их иными представлениями о практиках выживания в нем и принципами разграничения объективных и субъективных ощущений[38]. Представления о сакральности египетского царя и уникальности его власти, о его связи с божествами и об особом месте Египта в мире были для египтян не фикциями, а компонентами их реального знания о мироздании. Связь между царем и божеством не была для них иррационально-мистической, а, напротив, мыслилась как частное проявление объективных законов мира. Сфера духовной жизни общества, возникающая при его взаимодействии властью и обозначаемая терминами «идеология» и «пропаганда», которые в современности часто оттеняют ее искусственность, для египтян была лишенной такого оттенка частью знаний о мире и мировоззрения. Поэтому мы и говорим в заглавии нашей работы о восприятии начала македонского времени именно в категориях *мировоззрения* египтян. Идеологическую ситуацию в Египте начала македонского времени и в целом в IV—III вв. до н.э. следует изучать исходя из наличия в ее основе принципиально тех же констант, что и в более ранние эпохи, а также реконструировать ее составляющие с учетом не только специфически идеологических, но и более широких религиозных представлений.

Работая с данными античной традиции, отражающими египетские реалии (в т.ч. с традицией Манефона Севеннитского), мы стоим на позициях умеренно-критического подхода к ней, отталкиваясь от надежно обоснованного предшествующим опытом исследований вывода, что античные авторы стремились

---

[37] *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 14—15.

[38] См. на примере реконструкции египетской мировоззренческой категории Двойника: *Большаков А.О.* Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2001. С. 51—55.

в меру возможностей адекватно характеризовать доступные им египетские реалии и не искажали их. Сомнения в последнем должны обсуждаться максимально предметно, в аспекте возможной заинтересованности того или иного автора или его информаторов в измышлении своих свидетельств, в видоизменении считавшихся достоверными сведений или в привнесении в них той или иной тенденции. Это не исключает искажений в случаях взаимного непонимания античной (прежде всего, древнегреческой) и египетской культур, а также забвения самими египетскими информаторами античных авторов фактов далекого прошлого их страны. Однако такие искажения не были вызваны произвольными манипуляциями или чистым вымыслом античных авторов либо их египетских информаторов.

Научная новизна исследования. Как было показано в разделе «Степень изученности проблемы», на сегодняшний день в мировой и отечественной историографии нет комплексных исследований, обобщающих данные как египетских источников, так и античной традиции о презентации в Египте македонских правителей и о реакции египтян на установление в их стране македонской власти. Наша работа является первым опытом такого комплексного исследования, в котором делается попытка выявить взаимосвязь между разными аспектами восприятия начала македонского времени и его правителей в египетской среде, оценить их с точки зрения отражения в них констант традиционного египетского мировоззрения, определить предпосылки идеологической ситуации в Египте начала македонского времени в предыдущей эволюции египетской идеологии (с особенным вниманием к периоду IV в. до н.э.). В рамках данного исследования впервые выполнен перевод на русский язык и комментарий ряда древнеегипетских источников («Стела сатрапа», надписи на статуе «анонима из Баклии» и на статуэтке сына царя Нектанеба II, на фрагменте клепсидры из собрания Государственного Эрмитажа, на стеле Bucheum 2). Впервые высказано и обосновано предположение об отражении в двух иероглифических источниках (автобиографии Уннефера из его гробницы в Саккара и надписи на статуэтке сына царя Нектанеба II) ситуаций прямого контакта высокопоставленных египтян с Александром Великим. В связи с исследованием идеологической ситуации начала македонского времени сделан ряд новых и принципиально важных наблюдений об эволюции египетских представлений о царской власти в предшествующий период I

тыс. до н.э. (о соотношении в них принципов «династической» и «личной» легитимности царей; о возможности утраты царями в определенных ситуациях сакрального статуса; о «деривативной сакральности» Ахеменидов, признававшихся легитимными царями Египта). Исследование оценки египтянами начала македонского времени как рубежа в истории их страны привело к необходимости подробно изучить общие принципы египетской историографии I тыс. до н.э. и их отражение в античных нарративах. В результате этого была впервые выявлена циклическая схема, лежащая в основе исторического труда Манефона Севеннитского, определены свойственные позднеегипетской историографии принципы контаминации сходных и сильно удаленных во времени исторических событий, а также рассмотрены «неакадемические» исторические и историко-пропагандистские схемы, восходящие к египетской традиции. При анализе данного материала существенно уточнены развитие образа великого египетского царя – завоевателя и устроителя в античной традиции и характер связи отразивших его нарративов со сведениями египетских информаторов древнегреческих авторов. Отражение ряда египетских реалий в античных нарративах (во фрагментах Дикеарха Мессенского, в речи Исократа «Бусирис», в I книге Диодора Сицилийского) выявлено и прокомментировано впервые. Принципиально новым для отечественной историографии и существенно новым – для историографии мировой является широкое совмещение в представленной работе методов как египтологического, так и антиковедческого исследования.

Теоретическая и практическая значимость работы. Выводы работы об особенностях самопрезентации македонских правителей перед их египетскими подданными и «обратной реакции» последних на установление македонской власти могут быть использованы при сравнительно-историческом исследовании конституирования македонской власти в других районах восточноэллинистической ойкумены. Вывод о том, что на протяжении I тыс. до н.э., в условиях ослабления государственности и иноземных владычеств в Египте I тыс. до н.э., проявилась тенденция к прогрессирующему ослаблению сакральности, признаваемой лично за царями, и ко все большему ее признанию функцией связанных с царями богов, имеет значение для сравнительно-исторических исследований идеологических процессов, происходивших в целом на территории Ближнего и Среднего Востока в

это время. При анализе античных нарративов, отражающих сюжеты и схемы позднеегипетской историографии, сделан ряд наблюдений об особенностях искажения последних античными авторами, равно как и о закономерностях самих египетских представлений I тыс. до н.э. о прошлом; эти наработки могут использоваться опять же в сравнительно-историческом аспекте при изучении античной рецепции исторических традиций других восточных стран (например, Месопотамии). Представленный в диссертации фактический материал может быть использован при чтении общих и специальных лекционных курсов и проведении семинарских занятий для студентов разных специализаций по истории древнего Востока и истории древней Греции (эпоха эллинизма), по разным сюжетам, связанным со становлением исторической науки в древности и с эволюцией античной нарративной традиции, при написании учебников и учебных пособий по данным направлениям.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

(1) Развитие представлений о царской власти в Египте I тыс. до н.э. происходило в условиях ослабления его государственности, формирования иноэтничной (ливийской) военно-политической элиты, включая царские династии, а затем ряда этапов иноземного владычества. Во второй четверти I тыс. до н.э. существовало два принципа обоснования власти царей – династической легитимности (по родству с одним из ответвлений ливийского царского рода) и личной легитимности (восходящий к ранней древности III—II тыс. до н.э. – по рождению царя от божества и воплощению в нем сакральности). Ситуации борьбы с иноземными властителями и узурпаций породили представление о том, что царь в результате его действий, вызвавших некую реакцию со стороны богов, может утратить сакральность. В начале первого персидского владычества (525—404 гг. до н.э.) возникло представление о «деривативной» сакральности Ахеменидов как легитимных царей Египта, целиком и полностью зависевшей от воли бога к воплощению в них. По-видимому, на этой основе в IV в. до н.э. возникло представление о легкости утраты царем сакральности и власти, при совершении им недостойных действий («Демотическая хроника»). Поэтому цари XXX династии прибегали к специальным манипуляциям, чтобы обеспечить перманентное

присутствие в них божества (концепция скульптурных групп т.н. «соколов-Нектанебов»).

(2) Традиционное для мировоззрения египтян представление об уникальности долины Нила как места, пригодного для служения богам, и, соответственно, об универсалистском характере власти египетского царя-ритуалиста в I тыс. до н.э. противоречило реальности, поскольку земли к востоку от Египта входили в состав гораздо более могущественной межрегиональной азиатской державы, воспроизводившейся в схожем территориальном объеме несколько раз на разных этапах (Новоассирийская, Нововавилонская и Ахеменидская державы). Судя по египетским источникам, в это время хороним *Sṯt*/*Stt* («Азия») стал политонимом, обозначавшим такую державу; следовательно, в мировоззрении египтян этого времени было представление о стабильности такой державы, схожее с древнегреческой концепцией «царства Азии». Реакцией на эту политическую реальность стали представления о предпочтительном расположении богов к Египту даже в ситуациях похищения из его храмов чужеземными завоевателями культовой утвари (концепция «Стелы Бентреш»); мифологема давнего вторжения в Египет бога Сета, которая была метафорой чужеземных завоеваний и позволяла свести весь объем неискаженного властью Сета «нормального» мира только к территории Египта под властью его сакральных царей (остававшейся тем самым универсалистской); представление о крайней опасности внешнего мира для Египта и его культов («Книга победы над Сетом», свидетельства античной традиции и Манефона о святотатствах гиксосов и персидских царей против священных животных).

(3) Как показывают египетские источники III—II тыс. до н.э., египтянам было свойственно представление о ходе истории как о прохождении их страной ряда циклов (отдельных царствований, династий, больших эпох, продолжительность которых простиралась до тысячелетия). Концепция больших циклов истории Египта наиболее полно отразилась в труде Манефона Севеннитского, созданном в первой половине III в. до н.э. Он разделен на три части («томоса»), каждая из которых охватывает большой исторический цикл (соответственно, I—XI, XII—XIX и XX—XXX династии). В циклах египетской истории «по Манефону» выделяются восходящая фаза, «точка надлома», после которой развитие страны идет по

нисходящей, финальная катастрофа, преодолеваемая усилиями царя, который отчасти может быть и виновен в ее наступлении (Аменофис в конце второго «томоса» Манефона, в событиях, соответствующих исторической смуте рубежа XIX—XX династий и борьбе с «народами моря»). Сын царя, преодолевающего финальную катастрофу исторического цикла, является основоположником государственности следующего цикла. Финал цикла третьего томоса Манефона соответствует второму персидскому владычеству; соответственно, рубеж третьего и современного Манефону четвертого исторических циклов приходится на начало македонского времени. Характерный прием позднеегипетской историографии – контаминация схожих исторических образов и событий, подробные сведения о которых оказались утрачены.

(4) Цари дома Аргеадов (Александр Великий, Филипп Арридей, Александр (IV), сын Александра Великого и Роксаны) были признаны легитимными сакральными правителями Египта, и для каждого из них были составлены хорошо нюансированные титулатуры. «Темой» титулатуры Александра Великого стали освобождение им Египта от власти персов и успешное наступление на них, Филиппа Арридея – видимо, устроение страны, Александра (IV) – по-видимому, фиктивный характер его статуса в Египте, в силу которого реальным сакральным правителем страны приходилось считать не столько его, сколько божество. Составление египетских имен этих правителей было результатом целенаправленных пропагандистских усилий, направленных на легитимацию и презентацию их власти в Египте.

(5) Легитимация македонской власти над Египтом включала храмовое строительство от имени царей-Аргеадов, переносившее на них качество ритуалистов, а также прямое совершение македонскими правителями (Александром Великим, сатрапом Птолемеем) действий, связанных с культом египетских богов, в т.ч. ритуалов. Храмовое строительство Аргеадов делится в целом на два этапа: на первом из них (царствования Александра Великого и Филиппа Арридея – 332—317 гг. до н.э.) оно концентрируется в таких важнейших центрах, как Фивы и Гермополь. В Фивах при этом продолжается программа восстановления процессионных путей между храмами, начатая еще царями XXX династии; однако ее продолжение нельзя считать чисто рутинным, поскольку и

само начало этой программы, по-видимому, имело концептуальное значение – подчеркивание сакральных качеств царей. Очевидно, смысл данной концепции теперь переносился на царей дома Аргеадов, и строительство в Фивах при них было призвано выявить их сакральный статус. На втором этапе (формальное царствование Александра (IV) – 317—305/4 гг. до н.э.) храмовое строительство «децентрализуется» по ряду местных храмов, и в нем не прослеживается какой-то определенной концепции, что соответствует незаинтересованности в подчеркивании сакральности Александра (IV) со стороны реального правителя Египта сатрапа Птолемея. Античные свидетельства об участии Александра Великого во время пребывания в Мемфисе в конце 332 г. до н.э. в ритуале священного быка Аписа позволяют не только констатировать, что он с готовностью принял на себя качество легитимного сакрального царя, но и допустить, что речь идет о его коронации согласно египетской традиции.

(6) Особый статус сатрапа Египта Птолемея, сына Лага (с конца 310-х гг. до н.э. – неограниченного правителя страны, не имевшего царского титула) проявился с наибольшей яркостью в «Стеле сатрапа» 311 г. до н.э. и в автобиографической надписи т.н. «анонима из Баклии» (видимо, отражающей чуть более позднюю ситуацию). Согласно тексту «Стелы сатрапа», Птолемей совершает ряд действий (ведет войны, возвращает в Египет культовые предметы, ранее похищенные персами, основывает новую столицу страны), которые подобают полновластному царю. В данном тексте по отношению к нему употребляются эпитеты и фразеологизмы, обычно характеризовавшие сакральных царей, хотя и не указывающие на их сакральные качества прямо. Закрепление Птолемеем, согласно «Стеле сатрапа», угодья «Земля Уаджит» за храмами Буто представляет его зиждителем египетских культов: в сценах навершия «Стелы…» отрицается причастность формального царя Александра (IV) к этому действию, а Птолемей в награду за него получает важнейшее качество сакрального царя – способность внушать врагам страх на поле боя. Концепция текста «Стелы…» предполагает, что полный объем сакральной власти принадлежит на этом этапе не Александру (IV), а богу Хору. Надпись «анонима из Баклии», как представляется, показывает прямое участие Птолемея, бывшего еще правителем нецарского статуса, в функционировании и ритуалах храма XV нижнеегипетского нома. В целом статус

Птолемея в конце 310-х – 300-е гг. до н.э. формируется при помощи констатации его полновластия в управлении страной и в ведении ее внешней политики, перенесения на него ряда топосов традиционных царских текстов, не имеющих прямых сакральных коннотаций, и «отщепления» в его пользу отдельных составляющих сакрального царского статуса. Такой статус Птолемея был промежуточным этапом на его пути к полноценной царской власти.

(7) Египетские частные памятники начала македонского времени, а также некоторые предметы храмовой утвари отражают консенсус египетской элиты в неприятии представителей дома Аргеадов как сакральных царей (перенесение царского статуса с них на богов; неупотребление по отношению к ним основного титула сакрального царя *nsw-bity*; изображение в ритуальных сценах вместо конкретного царя условной фигуры с незаполненными картушами; в гробнице Петосириса в Туна эль-Гебель – использование для обеспечения посмертного существования архаичной модели «мира-Двойника», фактически не требовавшей совершения ритуалов от имени царя). Не составляют исключения в этом отношении даже немногие памятники (автобиографические надписи из гробницы Уннефера в Саккара и на статуэтке сына царя Нектанеба II), которые, возможно, отражают контакты знатных египтян с Александром Великим (притом оцененные в принципе положительно). Негативное отношение к македонской власти проявилось в античной традиции о наместнике Александра Великого Клеомена из Навкратиса, отражающей специфически египетские топосы негативной характеристики правителя. Прием отказа правителю в статусе сакрального царя и перенесения этого статуса на божество, а также, видимо, негативная традиция о Клеомене были взяты на вооружение пропагандой сатрапа Птолемея. При этом мнение ряда исследователей, что храмовое строительство в Египте времени Аргеадов велось едва ли не исключительно в рамках частной инициативы, что опять же свидетельствовало бы против их признания сакральными царями, не подтверждается.

(8) На протяжении кануна и начала македонского времени отношение в Египте к межрегиональной азиатской державе менялось в зависимости от политической ситуации, отражающейся в актуальной пропаганде. Отношение к Ахеменидам в течение второго персидского владычества и в первые годы македонской власти

было, видимо, негативным: последние Ахемениды не заботились об оформлении своей власти над Египтом согласно его традиции, а свидетельства о конфискации в это время священных предметов из египетских храмов, о депортации египтян и об ущемлении материальных интересов храмов вполне достоверны. Позднее (стела Bucheum 2 Года 4 Александра Великого) это отношение меняется вплоть до признания Дария III легитимным сакральным царем Египта – видимо, в связи с провозглашением самого Александра преемником Дария. Согласно «Стеле сатрапа», держава Аргеадов (*Stt*) находится вне власти Египта и в определенной мере преемственна от Ахеменидской державы; войны сатрапа Птолемея представлены как чисто оборонительные; а образ Артаксеркса III в описании истории «Земли Уаджит» в середине 330-х гг. до н.э. негативизируется вплоть до перенесения на него ряда коннотаций образа Сета. По-видимому, в это же время формируется красочная и исключительно негативная картина кощунств Артаксеркса III в Египте во время второго персидского владычества, в которой также обнаруживаются коннотации, связанные с образом Сета. Очевидно, неудачи Птолемея в конце 310-х и в начале 300-х гг. до н.э. в борьбе с его противниками Антигоном и Деметрием привели к необходимости подчеркивать опасность для Египта внешнего мира, ввиду чего даже внешняя экспансия была нежелательна; при этом пропаганда мобилизовала схожие мотивы более ранней «Книги победы над Сетом». Наконец, известен памятник из святилища в Каср эль-Мегисба в оазисе Бахария с посвящением якобы от Александра Великого «отцу Аммону» и с полносоставной титулатурой Александра, отличающейся от титулатур на памятниках его времени и содержащей мотивы его миродержавия и определенной преемственности от Ахеменидов. По-видимому, это фальшивка начала III в. до н.э., которая была призвана подкрепить официальную «мифологию» этого времени, связанную с посещением Александром оазиса Сива, и при этом согласовывалась с мотивами великодержавия в пропаганде Птолемеев на данном этапе.

(9) Анализ «Демотической хроники», ряда свидетельств пропагандистских усилий начала птолемеевского времени, демотического «Пророчества ягненка», а также сообщений о появлении в Египте в конце 310-х гг. феникса показывает, что рубежными фигурами, обозначившими границу между двумя большими циклами истории Египта, в пропаганде начала птолемеевского времени и, возможно, ранее

считались Александр Великий (царь, прекративший бедствия завершившегося исторического цикла) и Птолемей (правитель-устроитель нового исторического цикла). В некоторых случаях связь между ними могла уподобляться филиации. В неофициальной пропаганде, адресованной массовым слоям египетского общества, был сформирован сюжет рождения Александра Великого от Нектанеба II, отразившийся в итоге в позднеантичном «Романе об Александре»: фактически он воспроизводил конструкт «царь-отец и царь-сын», оформлявший рубежи между большими историческими циклами в труде Манефона и, очевидно, в целом в позднеегипетской историографии.

(10) Мотив именования Александра Великого в «Романе об Александре» «возрожденным Сесонхосисом, миродержавцем», по-видимому, является репликой сложной историко-пропагандистской фикции, возникшей на основе также сугубо пропагандистской схемы египетской истории. Согласно этой схеме, на рубеже мифологического и исторического времени в Египте правил царь, устроивший его общество, завоевавший множество чужеземных стран и, видимо, создавший в результате этого первый вариант крупной межрегиональной державы. Затем владычество Египта над ней было утрачено, но в исторической перспективе оно могло быть возвращено новым царем, который повторит деяния великого царя древности. Эта фикция, явно призванная объяснить, каким образом миродержавие перешло в I тыс. до н.э. к более могущественной, чем Египет, межрегиональной азиатской державе, типологически схожа с «академической» циклической концепцией исторического процесса, реализованной в труде Манефона. Подключение к этой фикции образа Александра состояло в перенесении на него качества царя, который восстановит египетское миродержавие. Точное время этой манипуляции установить трудно, однако она не заметна в памятниках начала македонского времени; с другой стороны, данная фикция совпадает по своему смыслу с концепцией памятника из Бахарии и может также быть порождением птолемеевской пропаганды начала III в. до н.э.

(11) В восприятии египетским мировоззрением начала македонского времени выделяются три аспекта. Первый – это официальная пропаганда, ведшаяся по инициативе македонских властей их сотрудниками-египтянами и направленная на всестороннее формирование представлений о сакральном статусе царей-Аргеадов,

о специфическом властном статусе сатрапа Птолемея, о характере взаимоотношений Египта под властью македонских правителей с окружающим миром, о рубежном значении начала македонского времени в истории Египта. Второй – это собственно реакция на наступление македонского времени представителей египетской элиты, проявившаяся в их частных памятниках; некоторые ее проявления были «мобилизованы» пропагандой сатрапа Птолемея на этапе фактического обретения им независимости от державы Аргеадов. Третий – это «диахронная» пропаганда Птолемеев в первые десятилетия III в. до н.э., очевидно, пытавшихся показать египтянам, что их собственное стремление к великодержавию опирается на традицию миродержавия, поддержанную Александром Великим и восходящую к еще более древней специфически египетской первооснове. Все эти три аспекта реализовывались в рамках принципиально единого «поля», сформированного базовыми константами египетского мировоззрения (представлениями о царской власти, о месте Египта в мире и о ходе истории), что обусловливало возможность взаимодействия между ними.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены автором в 68 публикациях, в т.ч. в 1 монографии (18,8 п.л.); в 2 главах в коллективной монографии (4,7 п.л.); в 24 публикациях в научных журналах, индексируемых в системах цитирования Web of Science, Scopus, Russian Science Citation Index (RSCI), а также в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук МГУ (31,25 п.л.); в 41 прочих публикациях (53 п.л.), в том числе в 2 публикациях в изданиях, входящих в утвержденный ВАК РФ перечень рецензируемых научных изданий (2,4 п.л.), 1 публикации, индексируемой в системе цитирования ERIH PLUS – European Reference Index for the Humanities (1,15 п.л.), в 7 публикациях в тематических сборниках научных работ, изданных ведущими международными научными издательствами (Brill, O. Harrassowitz, Oxford University Press, Peeters, F. Steiner; 9 п.л.). Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 107,75 п.л. Основные положения диссертации были также представлены в научных докладах автора на российских и международных

научных конференциях, в т.ч. на 37-м Международном конгрессе востоковедов (ICANAS-37; г. Москва, 2004 г.), на XIV—XVI, XVIII, XX Сергеевских чтениях (исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; 2005—2009, 2013, 2017 гг.), на Ломоносовских чтениях (2006, 2009, 2012 гг.), на 1—8-х и 10—15-х Петербургских египтологических чтениях (2003—2010, 2012—2017 гг.), на 1—3-х чтениях памяти И.М. Дьяконова (Санкт-Петербург, 2005—2006 гг.; Москва, 2008 г.), на 8-х, 14-х и 16-х Жебелевских чтениях (Исторический факультет/Институт истории СПбГУ; 2006, 2014, 2016 гг.), на «круглых столах» «Язык(и) древнеегипетской культуры: проблемы переводимости» (Университет Дмитрия Пожарского, г. Москва) в 2011 и 2013—2016 гг., на научных конференциях памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского (Институт востоковедения РАН, г. Москва) в 2007, 2009, 2011 гг., на международной научной конференции “Foreign Relations and Diplomacy in the Ancient World: Egypt, Greece, Near East” (Эгейский университет, Родос, Греция, 2004 г.), на 11-м и 12-м международных коллоквиумах по исторической географии древности (Штутгарт, 2011 г.; Берлин, 2014 г.), на международной научной конференции “Graeco-Aegyptiaca/Aegypto-Graeca: Interactions Between Greece and Egypt, 700 BCE – 300 CE” (Университет Рединга, Великобритания, 2007 г.), на четырех международных научных конференциях по проблемам истории, межкультурного взаимодействия и источниковедения времени Александра Великого во Вроцлавском университете (Польша; 2011, 2013—2015 гг.), а также в других научных выступлениях. Исследования по тематике диссертации была поддержаны стипендиями для стажировок Германской службы академического обмена (2002 и 2012 г.), стипендией Университета Мартина Лютера (г. Халле, Германия, 2010 г.), а также грантами РГНФ (05-01-01225, 15-01-00431).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав основной части, заключения, списка сокращений, списка литературы, списка иллюстраций, списка таблиц, иллюстраций и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** охарактеризованы актуальность и научная значимость исследования, его источниковая база и степень изученности его проблемы, определены его объект, предмет, цели и задачи, хронологические рамки, методологическая основа, приведена оценка его научной новизны, теоретической и практической значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации работы.

В **главе 1 («Основные составляющие древнеегипетских идеологии и мировоззрения Позднего времени»**) оценивается состояние древнеегипетского мировоззрения накануне македонского времени. Эволюция представлений египтян о царской власти с рубежа III—II тыс. до н.э. в целом шла по пути снижения личной сакральности царя (*§ 1.1 – «Концепции сакральности царской власти в Египте Позднего времени»*). В I тыс. до н.э., в ливийское время (XI—VIII вв. до н.э.) возникает принцип династической легитимности царя, которому затем (с VIII в.) противопоставляется принцип личной легитимности; возникают представления о возможности утраты царем сакральности (особенно подробно – в рассказе Элефантинской стелы Амасиса о его приходе к власти в 570—567 гг.), о «деривативной» сакральности царей-Ахеменидов (*§ 1.1.1*), о частой утрате сакральности царями, проявляющими человеческие слабости (что при XXX династии порождает ухищрения с целью достигнуть постоянности воплощения бога Хора в царе и его сакральности; *§ 1.1.2*).

Восприятие египтянами в I тыс. до н.э. места их страны в мире (*§ 1.2 – «Египетская концепция универсализма царской власти и восприятие межрегиональной азиатской державы в Египте Позднего времени»*) определялось утратой ею внешнеполитического могущества и представлением о неизменно существующей к востоку от нее межрегиональной азиатской державе, обозначаемой термином *Sṯt*/*Stt* (Wb. IV. 348.3: «Азия»; ср. с представлением греков о «царстве Азии», напр.: *Aesch*. Pers. 762—764), что противоречило традиционному универсализму власти царей Египта. В текстах наоса из Сафт эль-Хенне времени Нектанеба I (379/8 – 361/0 гг. до н.э.) и позднее в эпоху эллинизма «Азия»-*Stt*/*Sṯt* противопоставляется Египту, который часто именуется термином *Bꜣqt* (Wb. I.425.18), ассоциированным с представлением о нем как об оке солнечного бога и подчеркивающим его исключительность. В IV в. до н.э. в ожидании

нападения Ахеменидской державы возникает ряд религиозно-идеологических «компенсаций» этой угрозы (представление об особой благожелательности богов к Египту, мифологема вторжения Сета и его союзников в Египет и основанные на ней магические практики, представление об экзистенциальной враждебности чужеземного мира Египту и его культам). Земли за пределами Египта кажутся опасным «искаженным миром» под властью «мертвеца»-Сета (Urk. VI. 29.8—15), и тем самым весь объем «нормального» мира сокращается до одного Египта, реально находящегося под властью его сакральных царей.

Представления египтян о ходе истории (*§ 1.3 – «Концепция больших исторических циклов в египетской историографии Позднего времени»*) основаны на выделении в ней циклов разной протяженности, которое в III—II тыс. до н.э. прослеживается по ряду литературных произведений, Туринскому царскому списку и другим памятникам (*§ 1.3.1*). Труд Манефона Севеннитского, созданный в первой половине III в. до н.э. и известный в традиции раннехристианских хронографов и в аутентичном цитировании Иосифа Флавия, отразил концепцию больших циклов истории Египта, соединенных конструктом «царь-отец и царь-сын»; финалом последнего из них является конец XXX династии (см. также «Основные положения диссертации, выносимые на защиту», (3)). В труде Манефона проявился типичный для позднеегипетской историографии прием контаминации схожих исторических фигур и событий (*§ 1.3.2*).

В **главе 2** (**«Оформление власти царей дома Аргеадов и сатрапа Птолемея в Египте в категориях его традиционной идеологии»**) рассматривается официальное обоснование власти и статуса македонских правителей перед их египетскими подданными. В начале главы дан очерк политической истории Египта конца 340-х гг. до н.э. – первых десятилетий III в. до н.э.; отмечено значение событий 312—311 гг. до н.э. для конституирования его самостоятельной эллинистической государственности (*§ 2.1 – «Египет при Аргеадах (332—305/304 гг. до н.э.): основные исторические события»*). Среди титулатур Аргеадов (*§ 2.2 – «Египетские титулатуры царей дома Аргеадов»*) самая ранняя была составлена для Александра сразу после его вступления в Египет. «Темы» Хоровых имен Александра – освобождение страны от персов (*mk-Kmt* «Защитник Египта»), а затем успешное наступление против них (*ḥqꜣ qn tkn-*

ḫ3swt «Властитель храбрый, наступающий на чужеземные страны»; *§ 2.2.1*); возможно, смысл первого имени связан со значением его личного имени Ἀλέξανδρος – «Защитник людей» (LSJ 62; *§ 2.2.2*). Мотив египетской титулатуры Филиппа Арридея (преемника Александра в качестве формального царя Египта – 323—317 гг. до н.э.) – видимо, устроение страны; формального царя с 316 г. до н.э. Александра (IV) – фиктивность его статуса, побуждавшая считать сакральным царем не столько его, сколько бога Хора (*§ 2.2.3*). «Солнечные имена» Аргеадов могли содержать отсылку как к признанию Александра сыном Амона в храме оазиса Сива (эпитет *Stp.n-Ỉmn* – «Избранный Амоном», – введенный для него и перенятый его преемниками), так и к титулатурам Шешонка I и Дария I («солнечное имя» Александра *Mry-Rˁ* – «Любимый Ра», – воспроизведенное в фиванских памятниках Филиппа Арридея; *§ 2.2.4*). Вариативность царских имен Александра Великого и Филиппа Арридея не свидетельствует об ущербности или неконцептуальности их титулатур (*§ 2.2.5*)[39].

Роль Аргеадов как исполнителей ритуала богам Египта (*§ 2.3 – «Аргеады – египетские цари ритуала»*) проявилась в храмовом строительстве от их имени и в совершении отдельных обрядов. Храмовое строительство при Александре Великом и Филиппе Арридее концентрируется в важнейших центрах – в Фивах (с продолжением программы XXX династии, выявляющей сакральный статус царей) и Гермополе, а при Александре (IV) «децентрализуется» по ряду местных храмов (*§ 2.3.1*; см. также «Основные положения диссертации…», (5)). Участие Александра во время пребывания в Мемфисе в ритуале священного быка Аписа (*Arr*. Anab. III.1.4) показывает его готовность к принятию статуса легитимного сакрального царя и позволяет допустить, что этот ритуал был его коронацией согласно египетской традиции (ср.: Hist. Alex. Magni, A. I.34.2; *Nigidius Figulus*. De Sphaera. 98). Позднее, в конце 320-х гг. до н.э. тот же бык был погребен при содействии сатрапа Птолемея (*Diod*. I.84.4; *§ 2.3.2*).

Особый статус сатрапа Египта Птолемея, сына Лага отразился в «Стеле сатрапа» 311 г. до н.э. и в автобиографической надписи т.н. «анонима из Баклии», видимо, фиксирующей более позднюю ситуацию (*§ 2.4 – «Сатрапия Птолемея в Египте в отражении иероглифических источников»*). Согласно «Стеле сатрапа», в

[39] Ср.: *Burstein S.M.* Pharaoh Alexander: A Scholarly Myth // AS. 1991. Vol. 22. P. 139—145.

награду за закрепление угодья «Земля Уаджит» за храмами Буто, т.е. за попечение о культах Египта, Птолемей получает важнейшее качество сакрального царя – способность внушать страх врагам (сткк. 16—18, Urk. II. 21.1—9; *§ 2.4.1*). Согласно тексту «Стелы…», Птолемей совершает действия (войны, возвращение похищенных персами культовых предметов, основание новой столицы), подобающие полновластному царю, характеризуется эпитетами, обычно относящимися к царям, хотя и не связанными прямо с их сакральностью (*§ 2.4.2*). В надписи «анонима из Баклии» отразилось участие Птолемея в функционировании и ритуалах храма XV нижнеегипетского нома, т.е. еще большая причастность к сакральной сфере (*§ 2.4.2*; даны перевод и комментарий этого текста). Статус Птолемея в это время, совмещавший «отщепленные» для него элементы царской сакральности с нецарским титулом, был промежуточным этапом на его пути к воцарению.

В **главе 3** (**«Оппозиционное восприятие власти македонских правителей в Египте последней трети IV в. до н.э.»**) рассмотрены проявления неприятия Аргеадов в качестве сакральных царей, а также случаи, когда эта позиция усваивалась официальной идеологией. Прием перенесения сакральности с нежелательного реального царя на божество (*§ 3.1 – «“Царствование богов”: отказ македонским правителям в легитимном царском статусе и случаи его перенесения на богов»*) проявился в текстах гераклеопольских вельмож (автобиография Сематауитефнахта на Неаполитанской стеле, надписи Хора на его статуях; царский статус перенесен на местного бога Гераклеополя Херишефа и на Осириса), а также в надписи на задней опорной плите скульптурной группы ксоисского жреца Пашериентаисуи (царский статус перенесен на Амона). Эти тексты отражают «духовное сопротивление» знати древних культовых центров власти македонян, не уделявшей им внимания (*§ 3.1.1*). В оформлении культовой утвари, очевидно, не подлежавшем «цензуре» с точки зрения его лояльности Аргеадам, проявилось отношение к ним жречества. Судя по фризу фрагмента клепсидры из Государственного Эрмитажа (ДВ 2507а; даны описание этого памятника, перевод и комментарий его надписей), ее создатели не признавали одного из Аргеадов (Александра Великого или его сына) царем-ритуалистом (вместо него в ритуальных сценах изображен «условный царь» с пустыми

картушами над ним) и перенесли это качество на бога Хора (его эпитет *ṯmꜥ-ꜥ* – «мощный дланью» – представлен как царское Хорово имя; см. аналогии в клепсидрах BM 933 и BM 938; *§ 3.1.2*). Аналогично, судя по навершию «Стелы сатрапа», ее создатели не признавали царем-ритуалистом Александра (IV): вместо него в ритуальных сценах опять же представлен «условный» царь. При этом в тексте «Стелы…» описано царствование Хаббаша (середина 330-х гг. до н.э.), который явно обладал неполной сакральностью, а реальные сакральный статус и полновластие принадлежали непосредственно богу Хору (сткк. 10—12, Urk. II. 17.15—18.14). Видимо, аналогичная ситуация предполагалась концепцией «Стелы…» и для ее времени; а приемы отказа царю в сакральном статусе и его перенесения на Хора были заимствованы у оппозиции Аргеадам идеологами Птолемея, чтобы поставить под сомнение легитимность Александра (IV) (*§ 3.1.3*).

Надписи частных лиц (граффити Анхпахереда и Капефхамонту, автобиографий Джед-Хора, Петосириса и Хора) показывают, что их «герои» в начале македонского времени вели храмовое строительство лишь в скромных масштабах. Тезис о том, что в эту эпоху оно инициировалось только жрецами и не доказывает стремления Аргеадов к легитимации их власти в Египте, не оправдывается (*§ 3.2 – «Строительная деятельность частных лиц в египетских храмах в период второго персидского владычества и в начале македонского времени»*).

Согласно античным источникам, Клеомен из Навкратиса – глава администрации Египта при Александре Великом (*§ 3.3 – «Античная традиция о Клеомене из Навкратиса и ее древнеегипетские коннотации»*) – вряд ли имел формальный титул сатрапа и должен был сильно зависеть от царя (*§ 3.3.1*). Традиция трактата «Экономика» приписывала ему намерения охотиться на крокодилов в одном египетском номе (*[Arist.]* Oec. II. 2.33b), переселить из района Канопского русла в Александрию «жрецов и тех, кто владеет там имуществом» (id. 33c), «закрыть некоторые храмы и распустить большую часть жрецов» (id. 33f); при уплате мзды он мог от этих намерений отказаться. Видимо, эти сведения фиктивны и переносят на Клеомена египетские мотивы негативной презентации правителей (особенно явно – кощунств против священных животных). В очернении Клеомена был заинтересован устранивший его Птолемей, и эту традицию можно

связать с его пропагандой, причем ее «негатив», похоже, переходил с Клеомена и на стоявшего над ним Александра (*§ 3.3.2*).

Отказ в признании сакральной легитимности македонских царей виден в текстах и изобразительной программе гробницы Петосириса в Туна эль-Гебель близ Гермополя (видимо, рубеж IV и III вв. до н.э.; *§ 3.4 – «Гробница Петосириса в Туна эль-Гебель: жрец, цари и боги»*). Судя по «Большой биографической надписи», Петосирис был главой хозяйства (*лесонисом*) гермопольского храма Тота при Александре Великом – «властителе чужеземных стран в качестве защитника Египта» (стлб. 28: *ḥqꜣ nw ḥꜣswt m nḏty ḥr Kmt*). Конец этого обозначения совпадает с ранним Хоровым именем Александра (см. § 2.2.2), однако единственный намек, что оно относится к легитимному царю, – это мелкий нюанс иероглифического написания (детерминатив A_{304E} в слове *ḥqꜣ*; *§ 3.4.1*). В сценах гробницы Петосирис сам вместо царя приносит жертвы (фасад), а воскресение во взаимодействии с богами приписано исключительно его старшим родственникам (сцены часовни). Для Петосириса сцены пронаоса, несмотря на их нарочитую эллинизацию, конструируют т.н. «мир-Двойник», посмертное существование в котором мало зависит от богов. По-видимому, использование этой архаичной модели связано с убеждением Петосириса в невозможности контакта с богами при посредстве македонских царей (*§ 3.4.2*).

Пребывание египтян при дворе Александра в Азии во время или после Восточного похода (*§ 3.5 – «Египтяне при азиатском дворе Александра? Вероятное восприятие власти и статуса Александра Великого в двух частных памятниках начала македонского времени»*), возможно, отразилось в автобиографических надписях из гробницы Уннефера в Саккара (*§ 3.5.1*) и на статуэтке сына Нектанеба II (*§ 3.5.2*; даны описание этого памятника, перевод и комментарий его надписей). Если предложенная интерпретация этих текстов верна, то владельцы данных памятников не хотят допускать в них указаний на сакральную легитимность Александра (в надписях сына Нектанеба II, как и в надписи Петосириса, на это лишь намекает детерминатив A_{44} в слове *ḥqꜣ*).

Глава 4 («Межрегиональная азиатская держава в восприятии египтян в последней трети IV— в начале III вв. до н.э.») посвящена восприятию в Египте

крупных государств, в которые он входил, – державы Ахеменидов и державы Аргеадов как ее геополитического преемника. Реальное отношение египтян к первой из них формировалось по впечатлениям от вторжения Артаксеркса III в 343 г. до н.э. и последовавшего за ним времени (*§ 4.1 – «Накануне эллинизма: второе персидское владычество в Египте в свидетельствах египетских и античных источников»*). Его негативное восприятие определялось не только тем, что оно началось с чужеземного завоевания, но и равнодушием последних Ахеменидов к религиозно-идеологической традиции Египта (*§ 4.1.1*), репрессивным вывозом из египетских храмов культовых предметов – посредников во взаимодействии с богами (*§ 4.1.2*), депортациями египтян (на это указывает, в частности, автобиография Сематауитефнахта; *§ 4.1.3*), присвоением персидскими властями доходов храмов (*§ 4.1.4*). Изменение негативного отношения ко второму персидскому владычеству фиксируется в стеле Bucheum 2=BM 1697+1719 329 г. до н.э., где применительно к Дарию III употреблены титул «царь Верхнего и Нижнего Египта» (*nsw-bity*) и термин «Величество» (*ḥm*), указывающие на его сакральную легитимность (*§ 4.2 – «Дарий III в стеле Бухеума Года 4 Александра Великого»*; в разделе даны описание памятника и перевод и комментарий его надписей). К 329 г. Александр считался «царем Азии» и наследником Дария, и лояльность к последнему македонской пропаганды могла сказаться и в египетском памятнике.

Наиболее подробно отношения Египта и держав Ахеменидов и Аргеадов описаны в тексте «Стелы сатрапа» (*§ 4.3 – «Египет и внешний мир в концепции “Стелы сатрапа”»*). В его вводной формулировке термин *Stt* (политоним межрегиональной азиатской державы, см. § 1.2) обозначает местопребывание Александра (IV) в 311 г. до н.э. – Македонию (стк. 2, Urk. II. 13.3—5). Тем самым показана преемственность между ближневосточной государственностью (прежде всего, державой Ахеменидов, которую этот термин обозначает и в других контекстах «Стелы…») и державой Аргеадов во всем ее объеме, включая Македонию (*§ 4.3.1*). От «Азии»/*Stt* исходит угроза египетским культам; а Египет в соотнесении с чужеземными странами, как правило, обозначается термином *Bꜣqt*, подчеркивающим его исключительность (см. § 1.2). Хотя Птолемей и представлен победоносным воителем, его войны не носят инициативный и наступательный характер (*§ 4.3.2*). Причины этого угадываются в эпизоде ущемления храмов Буто

Артаксерксом III («врагом *Ḫšryš*(*ꜣ*)»; сткк. 8—11, Urk. II. 17.4—18.6): его образ, видимо, ассоциирован с представлением о «мертвеце»-Сете (см. § 1.2), и в таком случае в концепции «Стелы…» контакт с внешним миром даже при экспансии крайне опасен (*§ 4.3.3*). Ощущение этого есть и в фиктивной традиции о кощунствах Артаксеркса III, тоже ассоциирующей его с Сетом (*§ 4.4* – «*Античная традиция о кощунствах Артаксеркса III против священных животных и вопрос о ее датировке»*): ее появление можно также связать со стремлением идеологов сатрапа Птолемея продемонстрировать египтянам крайнюю враждебность внешнего мира и необходимость поддерживать против него Птолемея.

В заключение главы приводятся описание, перевод и комментарий надписей постамента из храма Амона в Каср эль-Мегисба (оазис Бахария) с уникальной пятисоставной египетской титулатурой Александра Великого и греческой надписью «Царь Александр – отцу Аммону» (Βασιλεὺς | Ἀλέξ<α>νδρος | Ἄμμωνι | τ[ῶ]ι πατρί; *§ 4.5 – «Александр Великий как правитель мировой державы в титулатуре на памятнике из оазиса Бахария: проблемы интерпретации»*). Контекст памятника – признание Александра сыном бога оракулом оазиса Сива; а в титулатуре есть мотив его великодержавия и некоторого преемства от Ахеменидов. Несходство этой титулатуры с известными по несомненным памятникам времени Александра заставляет думать, что этот памятник был создан в начале III в. до н.э., когда Птолемеи стремились возвести к Александру обоснование своей власти и, в частности, стремления к экспансии.

Глава 5 («Презентация начала македонского времени в египетских историко-пропагандистских конструктах») посвящена восприятию египтянами конца IV в. до н.э. как рубежа в их истории. По мнению Х. Фельбера, в «Демотической хронике» благой правитель из Гераклеополя (p.dem. Bibl. Nat. 215 *recto.* II.14—17, II.23—III.17) – это Птолемей I[40]; тогда образ более раннего правителя, «владычеству которого будут радоваться» (id. II.21), может соответствовать Александру Великому (*§ 5.1 – «“Демотическая хроника”: Александр Великий и Птолемей, сын Лага как рубежные фигуры третьего и четвертого циклов египетской истории»*). Египетский эквивалент известного

[40] *Felber H.* Die Demotische Chronik // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten. Leuven, 2002. S. 108—109.

эпитета Птолемея I Σωτήρ – *nḏty* («защитник, мститель») – как известно, переносит на царя или младшее божество качество заступника за отца – старшее божество (LÄGG. IV.588). Возможно (см. сюжет Клитарха о спасении Александра в Индии Птолемеем: *Arr*. VI.11.8; FGrHist. 137. F. 24 = *Curt*. IX.5.21), таким «старшим божеством» по отношению к Птолемею выступал Александр. Тогда в данном эпитете Птолемея есть оттенок отношения к Александру и к нему как к рубежным фигурам, в какой-то мере соответствующим конструкту «царь-отец и царь-сын» между большими циклами истории у Манефона (см. § 1.3.2); и этот мотив мог восходить к пропаганде Птолемея II (*§ 5.2 – «Σωτήρ = nḏty: к значению культового эпитета Птолемея, сына Лага в свете конструктов позднеегипетской историографии»*). Фраза «Пророчества ягненка»: «Это будет, когда я стану уреем на челе фараона…» (II.20—21), – отсылает к мотиву изображения Александра с «рогами Аммона» и представляет его правителем, прекратившим бедствия Египта спустя 990 лет после начала календарного «цикла Сотиса» в 1322/21 г. до н.э. (ср. *Manetho*. Frg. 64; *§ 5.3 – «“Пророчество ягненка”: Александр Великий – «царь-избавитель» финала третьего цикла египетской истории»*). Сообщения Тацита (*Tac*. Ann. VI.28) и Плиния Старшего (*Plin*. Hist. nat. X.2) в контексте других свидетельств, в т.ч. хронологических сведений Манефона, показывают, что со становлением самостоятельной государственности Птолемея в 312/1 г. до н.э. (см. § 2.1) было соотнесено явление феникса, обозначившего границу между 1460—летними циклами (*§ 5.4 – «Манефон и феникс: синхронизация циклов истории Египта с мифологическими циклами обновления мира»*). Наконец, «Роман об Александре» отражает известную версию легитимации власти македонских царей в Египте для массовой и неофициальной пропаганды начала III в. до н.э. – легенду о рождении Александра Великого от последнего египетского царя Нектанеба II. В ней задействован известный у Манефона конструкт «царь-отец и царь-сын», и Александр оказывается не просто рубежной фигурой начала македонского времени, но и чисто египетским царем (*§ 5.5 – «“Роман об Александре”: Нектанеб и Александр Великий – “царь-отец” и “царь-сын” финала третьего цикла египетской истории»*).

В **главе 6 («Образы Александра Великого и древнейшего египетского царя – завоевателя и устроителя – в греко-египетской традиции начала**

эллинизма») дана интерпретация одного из мотивов «Романа об Александре». В его «версии А» при описании вступления Александра в Египет говорится, что жрецы, встречавшие царя в номах Египта, провозглашали его «возрожденным[41] Сесонхосисом, миродержавцем» (Hist. Alex. Magni, A. I.34.2: …ἀνηγόρευον αὐτὸν νέον Σεσόγχωσιν κοσμοκράτορα). Александр сопоставлен с Сесонхосисом и в других контекстах «версии А» «Романа…», а в ее «версии γ» утверждается восстановление им миродержавия Египта (Hist. Alex. Magni, γ. II.26—27; *§ 6.1 – «Александр Великий – “возрожденный Сесонхосис, миродержавец” – во фрагментах “Романа об Александре”»*). В главе прослежена история образа великого царя египетской древности в классической греческой традиции (*§ 6.2 – Великий египетский царь – завоеватель и устроитель – в произведениях древнегреческих авторов V—IV вв. до н.э.*): завоевателя-Сесостриса у Геродота (*§ 6.2.1*), устроителя общества и завоевателя Сесонхосиса у Дикеарха Мессенского (*§ 6.2.2*), устроителя общества Бусириса у Исократа (*§ 6.2.3*). Эти образы надежно возводятся к египетской первооснове: в них мотив завоеваний связан с реминисценциями Сенусерта III, устроения Египта – Сенусерта I[42]; однако эти мотивы переплетаются, в ряде изводов традиции ассоциируясь с одним и тем же условным образом (*§ 6.3 – «Контаминация реалий, связанных с египетскими царями – завоевателями и устроителями в свидетельствах древнегреческой традиции»*). Видимо, для Манефона мотив завоеваний был связан с формой имени «Сесострис», устроения – с формой имени «Сесонхосис», восходившей к ливийско-египетскому «Шешонк» (*§ 6.3.1*). Последнее объясняется реминисценциями Шешонка I как основоположника ливийской государственности (труд Гекатея Абдерского в передаче Диодора; *§ 6.3.4*), причем его войны в Палестине служили контаминации его образа с образом воителя-Сесостриса (сведения Иосифа Флавия; *§ 6.3.2*). Контаминации образов царя-завоевателя и царя-устроителя содействовало реальное совпадение этих аспектов в деятельности

---

[41] Переводя так слово νέος, мы ориентируемся как на весь спектр его значений («молодой», «новый» в смысле вновь повторившийся; LSJ 1169), так и на контекст, в котором оно употреблено (соположенное с данным пассажем сообщения о знакомстве Александра с предсказанием о явлении в его лице омолодившегося Нектанеба: Hist. Alex. Magni, A. I. 34.5), подсказывающий его значение «вновь явившийся, возрожденный».

[42] *Берлев О.Д.* Древнейшее описание социальной организации Египта // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984. С. 34, прим. 15.

как Шешонка I, так и Сенусерта I (см. сведения Гекатея Абдерского; *§ 6.3.3*). Сложная контаминация в этих свидетельствах разновременных реминисценций разных царей отвечает тенденции позднеегипетской историографии (§ 1.3.2), усугубляющейся при ее использовании в пропаганде. Наблюдения над античной традицией и соотнесением Александра и Сесонхосиса в «Романе об Александре» приводят к выводу, что в последнем мотиве отразилась сложная историко-пропагандистская фикция. Согласно ней, в далекой древности царь Сесонхосис устроил Египет и завоевал весь мир, впервые создав межрегиональную державу. Уже он не удержал власть над ней, перешедшую к скифам, а затем к ассирийцам, мидянам и персам (см. сведения Помпея Трога). «Возрожденный Сесонхосис» – Александр восстановит владычество Египта в мире и тем самым изначальную норму его устройства. Эта фикция объясняла потерю Египтом его исконного миродержавия и легитимировала власть Александра – его восстановителя; впервые она отразилась в александрийском прототипе «Романа об Александре» в пору экспансии Птолемеев в первые десятилетия III в. до н.э. (*§ 6.4 – «От Сесонхосиса к Александру: «единый цикл» истории Египта в традиции кануна и начала эллинистического времени»*).

В **заключении** подведены итоги исследования. Восприятие начала македонского времени египтянами и его презентация для них в официальных идеологемах были выражены в категориях египетского мировоззрения этого времени. Благодаря этому различные аспекты осмысления этой эпохи находились во взаимодействии между собой. Усилия македонской власти по формированию собственного «имиджа» средствами традиционной идеологии Египта имели аспекты не только «синхронный» (составление титулатур царей, храмовое строительство, в меньшей мере – участие македонских правителей в ритуалах), но и «диахронный» (апелляция пропаганды Птолемеев к царствованию Александра Великого, в частности, в связи с их внешнеполитическими амбициями). Отражение фикции об Александре – сыне Нектанеба и «новом Сесонхосисе» в грекоязычном прототипе «Романа об Александре» не было симптомом подлинного синтеза греческой и восточной (египетской) культур в условиях эллинизма. Идеологическое значение этой фикции, актуальное в египетской среде, при

трансляции вне нее терялось, поэтому ее следует считать составляющей египетского мировоззрения и оценивать в связи с его категориями.

В источниках, по сути дела, не представлен образ македонских царей, македонян, греческих или азиатских подданных Аргеадов как «чужих» в плане выработки применительно к ним стереотипов на собственно этнокультурной основе. При позитивной презентации Аргеадов в них выявлялись качества благих *египетских* царей; а негативное отношение не к ним самим (его свидетельств у нас нет), а к их державе или агентам (Клеомену) отсылало к топосам, связанным опять же с *египетским* олицетворением злого начала, – Сетом. Ахеменидские ассоциации в источниках начала македонского времени не задействуют обозначения «Персия» и «персы». «Вековой враг» Египта (сначала Ахемениды, а затем диадохи – враги Птолемея), – это «Азия»-*Stt*, геополитическое и едва ли не космологическое понятие, неизменное и не ассоциируемое специально ни с каким народом. Контакты Египта с внешним миром, в т.ч. неспособность победить врага или подчинение ему, осмысливаются как оцененное позитивно или негативно состояние египетской универсалистской государственности. По-видимому, это своего рода компенсаторный прием, позволявший египтянам не отказываться от стереотипа универсализма даже в ситуации своего реального исторического проигрыша.

Приложение к диссертации: перевод и комментарий текста «Стелы сатрапа»; два экскурса, освещающие наиболее значимые дискуссионные проблемы, встающие в связи с ним (*«Экскурс 1: Вторая кампания Птолемея и вопрос о “рубеже Ир-мер-а”»*; *Экскурс 2: «“Враг Ḫšryš(ꜣ)” в египтологических исследованиях»*).

Основные положения и результаты диссертации отражены в следующих публикациях:

Монография и главы в коллективной монографии (23,5 п.л.)*:*

1. *Ладынин И.А.* «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды.

СПб.: Издательство РХГА, 2017. 332 с. (Труды Исторического факультета МГУ. Вып. 84. Сер. II: Исторические исследования. 40). (18,8 п.л.).

2. *Ладынин И.А.* Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб.: РХГА, 2016 (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 82; Серия II: Исторические исследования, 39). С. 265—312. (2,4 п.л.).
3. *Ладынин И.А.* Древнеегипетские концепции сакральности царской власти в I тысячелетии до н.э. // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб.: РХГА, 2016. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; 82; Серия II: Исторические исследования; 39). С. 136—173. (2,3 п.л.).

Публикации в научных журналах, индексируемых в системах цитирования Web of Science, Scopus, Russian Science Citation Index (RSCI), а также в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук МГУ, на соискание ученой степени доктора наук МГУ (31,25 п.л.).

1. *Ладынин И.А.* Египетская царская титулатура Александра Великого // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1999. № 2. С. 85—97 (0,8 п.л.).
2. *Ладынин И.А.* Обозначение *Stt* в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 13.4): к восприятию мировой державы Аргеадов на Востоке // Вестник древней истории. 2002. № 2. С. 3—19 (2 п.л.).
3. *Ладынин И.А.* Сведения Элефантинской стелы царя Амасиса о вавилонском вторжении в Египет в 568/567 гг. до н.э. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2004. № 3. С. 17—27 (1 п.л.).
4. *Ладынин И.А.* Дафны в библейской и христианской традиции о финале царствования Априя (конец 570—начало 560-х гг. до н.э.) // Вестник древней истории. 2004. № 3. С. 3—13 (1,1 п.л.).

5. *Ladynin I.A.* “Adversary *Hšryš3*”: His Name And Deeds According To The Satrap Stela // Chronique d’Égypte. 2005. T. 80. P. 87—113 (1,95 п.л.).
6. *Ladynin I.A.* Rev.: Gozzoli R. The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium BC (ca. 1070 – 180). Trends and Perspectives. London, 2006 // Journal of Egyptian Archaeology. 2008. Vol. 94. P. 289—292 (0,3 п.л.).
7. *Ладынин И.А.* «Соколы-Нектанебы»: Скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция // Вестник древней истории. 2009. № 4. С. 3—26 (2,1 п.л.).
8. *Ладынин И.А*. Рец. на: Blöbaum A. I. “Denn ich bin der König, der die Maat liebt”. Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Eine vergleichende Untersuchung der Phraseologie in der offiziellen Königsinschriften vom Beginn der 25. Dynastie bis zum Ende der makedonischen Herrschaft. (Aegyptiaca Monasteriensia, Band 4). Aachen: 2006 // Вестник древней истории. 2010. № 3. С. 194—202 (1 п.л.).
9. *Ладынин И.А.* Статуя Дария I из Суз: к интерпретации памятника в свете религиозно-идеологических представлений Египта и Передней Азии // Вестник древней истории. 2011. № 1. С. 3—27 (2,1 п.л.).
10. *Ладынин И.А.* К вопросу о характере полномочий и формальном статусе Клеомена из Навкратиса // Проблемы истории, филологии и культуры. 2012. № 4. С. 89—100 (1 п.л.).
11. *Ладынин И.А.* «Стелы Сесостриса»: Топос античной историографии и древнеегипетские реалии// Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 3—15 (1,1 п.л.).
12. *Ладынин И.А*. Рец. на: Pfeiffer St. (hrsg.) Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz (Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte, Bd. 3). Frankfurt a.M.: Verlag Antike e.K., 2007. // Вестник древней истории. 2012. № 2. С. 196—205 (1,2 п.л.).
13. *Ладынин И.А*. Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Навкратиса и топосы древнеегипетской пропаганды // Вестник древней истории. 2013. № 2. С. 18—40 (2,1 п.л.).
14. *Ладынин И.А*. «Алтарь» из храма Амона в оазисе Бахария с египетской царской титулатурой Александра Великого. I: Надписи памятника // Вестник древней истории. 2014. № 2. С. 3—12 (0,75 п.л.).

15. *Ладынин И.А.* «Алтарь» из храма Амона в оазисе Бахария с египетской царской титулатурой Александра Великого. II: Интерпретация и датировка // Вестник древней истории. 2014. № 3. С. 3—20 (1,5 п.л.).
16. *Ладынин И.А.* Иероглифическая надпись на статуе «анонима из Баклии» (Национальный музей Карфагена, Тунис, № 883.1) и статус сатрапа Египта Птолемея в 300-е гг. до н.э. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Том 13, № 4: Востоковедение. С. 12—18 (0,5 п.л.).
17. *Ладынин И.А.* «Начальник уабов Сохмет» Сематауитефнахт – «коллаборационист» или «жертва депортации?» // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 1. С. 18—28 (1,1 п.л.).
18. *Ладынин И.А.* Ἀλέξανδρος – «защитник Египта»? К семантике некоторых именований Александра Великого на египетских памятниках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Том 13, № 8: История. С. 14—19 (0,75 п.л.).
19. *Ладынин И.А.* Александр – «новый Сесонхосис»: Египетская пропагандистская фикция начала эллинистического времени и предпосылки к ее возникновению // Проблемы истории, филологии и культуры. 2015. № 2. С. 32—51 (1,5 п.л.).
20. *Ладынин И.А.* Гробница Петосириса в Туна эль-Гебель и ее «мир-Двойник»: К возможной интерпретации памятника в свете настроений египетской элиты начала эллинистического времени // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 5.(1,1 п.л.).
21. *Ладынин И.А.* Стела Bucheum 2 (British Museum, № EA1697, 1719) и восприятие власти и государственности Ахеменидов в Египте времени Александра Великого // Stratum plus. 2015. № 6. С. 1—14 (1,4 п.л.).
22. *Ладынин И.А.* Циклы египетской истории и три томоса труда Манефона (I) // Вестник древней истории. 2015. № 4. С. 3—19 (1,4 п.л.).
23. *Ладынин И.А.* Циклы египетской истории и три томоса труда Манефона (II) // Вестник древней истории. 2016. Т. 76, № 2. С. 315—340 (1,7 п.л.).
24. *Карлова К.Ф., Ладынин И.А.* Кольцо вокруг Египта: изоляционистские мотивы в «Книге победы над Сетом и в «Стеле сатрапа» // Вестник древней истории. 2016. Т. 77, № 3. С. 555—573 (1,8 п.л.).

Прочие публикации (53 п.л.):

1 *Ладынин И.А.* Памятники Александра Великого в Египте: опыт интерпретации // Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Русский двор, 1998. Вып. 1. С. 32—49 (1,1 п.л.).

2 *Ладынин И.А.* К вопросу о принятии Александром Македонским египетского царского статуса в 332—331 гг. до н. э. // Античность: события и исследователи / Под ред. В.Д. Жигунина и др. Казань: Экоцентр, 1999. С. 68—73 (0,5 п.л.).

3 *Ладынин И.А.* Вступление Александра Македонского в Египет в конце 332 г. до н. э. в сведениях «традиции Птолемея» // Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Русский двор, 1999. Вып. 2. С. 12—24 (0,9 п.л.).

4 *Ладынин И.А.* К датировке «Стелы Сатрапа» и интерпретации ее исторической части (Urk. II. 12.12—15.16) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 178—200. (1,85 п.л.).

5 *Ладынин И.А.* Сведения о возвращении из Азии египетских культовых предметов правителями династии Птолемеев // Μνῆμα: Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань: Ритор, 2002. С. 202—225 (1,9 п.л.).

6 *Ладынин И.А.* Античный топос «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегиональной государственности на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н.э. // «Эдуба вечна и постоянна»: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 151—160 (0,75 п.л.).

7 *Ладынин И.А.* Идеологические аспекты междоусобицы Амасиса и Априя в 570—567 гг. до н.э. // Петербургские египтологические чтения–2005. Тезисы докладов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 88—108 (1,2 п.л.).

8 *Colobova O.B., Ladynin I.A.* The Graeco-Egyptian Interaction at the Formative Period of the Egyptian Hellenism: The Case of the Tomb of Petosiris // The Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. Vol. 3. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2006. P. 27—45 (0,6 п.л.).

9 *Ладынин И.А.* Строительная программа Аргеадов в Египте в контексте храмового строительства XXIX—XXX династий // Петербургские египтологические чтения–2006. К 150-летию со дня рождения В.С. Голенищева. Доклады. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. (Труды Государственного Эрмитажа; 35). С. 86—100 (1,3 п.л.).

10 *Ладынин И.А.* 3-я Сирийская война и захват Птолемеем III в Азии культовых предметов в сведениях книги Даниила и Порфирия Тирского // Antiquitas aeterna: Поволжский антиковедческий журнал. 2007. Вып. 2. С. 273—287 (1,3 п.л.).

11 *Ladynin I.A.* Two Instances of the Satrap Stela: Tokens of the Graeco-Egyptian Linguistic and Cultural Interrelation at the Start of the Hellenism? // Moving Across Borders: Foreign Relations, Religion and Cultural Interactions in the Ancient Mediterranean / Ed. P. Kousoulis, K. Magliveras. Leuven – P. – Dudley (Ma.); Peeters, 2007. (Orientalia lovanensia analecta; 159). P. 337—354 (1,3 п.л.).

12 *Ладынин И.А.* “Πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος” (Ps.Call. C. II.27.3): Еще раз о египетской царской титулатуре Александра Великого // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 245—259 (0,95 п.л.).

13 *Ладынин И.А.* Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) и финал второго томоса труда Манефона // Петербургские египтологические чтения 2007—2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. (Труды Государственного Эрмитажа, 45). С. 164—180 (1,6 п.л.).

14 *Ладынин И.А.* «Отплатят за наосы богов Ниневии, в стране *Ỉšʿr* …»: Об исходе бедствий Египта в «Оракуле ягненка» // Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. (Труды Исторического факультета МГУ; 49. Сер. II: Исторические исследования; 18). С. 55—67 (1 п.л.).

15 *Ladynin I.A.* Sesostris–Sesonchosis–Sesoosis: The Image of the Great King of the Past and Its Connotations of the Lybian Time in Egypt // Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. Vol. 5. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2010. P. 122—142 (1 п.л.).

16 *Ладынин И.А.* Новая публикация по проблемам взаимодействия между социумами на востоке античной ойкумены и некоторые черты прижизненного культа Августа в Египте // Studia historica. Вып. XI. М.: б. изд., 2011. С. 320—327 (0,5 п.л.).

17 *Ладынин И.А.* «Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV—III вв. до н.э. // Петербургские египтологические чтения 2009—2010: памяти С.И. Ходжаш. Памяти А.С.Четверухина. Доклады. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. (Труды Государственного Эрмитажа; 55). С. 139—169 (2,9 п.л.).

18 *Ladynin I.A.* The Near Eastern Empires of the First Millennium B.C. in Terms of Ancient Egyptian Texts: The Name *Stt/Stt* // Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Вып. 1. М., 2011. С. 128—153 (1,95 п.л.).

19 *Васильева О.А., Ладынин И.А.* «Волшебник Нектанеб»: историко-художественный образ и его истоки // Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 8. М.: Академика, 2012. С. 3—36 (2,5 п.л.).

20 *Ладынин И.А.* Замечания о схеме египетской истории в труде Манефона Севеннитского // Вестник Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко. № 110. 2012. С. 39—42 (0,6 п.л.).

21 *Ладынин И.А.* Словосочетание «путь бога» в древнеегипетских текстах II—I тыс. до н.э.: к эволюции значения // Термины, понятия, категории в литературных текстах и документах. Сб. науч. трудов. М.: Изд-во Лит. ин-та, 2012. С. 30—38 (0,55 п.л.).

22 *Ладынин И.А.* Александр Великий и Клеомен из Навкратиса в древнеегипетском источнике? (К интерпретации автобиографической надписи из гробницы Уннефера в Саккара) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. Из истории античности и

нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. С. 200—225 (1,4 п.л.).

23 *Ладынин И.А.* Замечания о египетском «протоколе» царей династии Аргеадов // Петербургские египтологические чтения 2011—2012: памяти Е.С. Богословского. Доклады. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. (Труды Государственного Эрмитажа, 66). С. 116—131 (1,35 п.л.).

24 *Ладынин И.А.* Надписи на статуэтке старшего сына царя Нектанеба II: перевод и комментарий // Aegyptiaca Rossica. Выпуск 1. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 215—238 (1,1 п.л.).

25 *Ладынин И.А.* «*ḫpr-kꜣ-Rˁ* по-гречески»: Сенусерт I в пропаганде XXX династии и в ее вероятных репликах в древнегреческой традиции // Aegyptiaca rossica. Выпуск 1. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 136—156. (1,25 п.л.)

26 *Ladynin I.A.* A Fragment of an Early Hellenistic Egyptian Clepsydra from the State Hermitage, St. Petersburg (Inv. No ДВ 2507a): A Native View of Early Macedonian Rule in Egypt // Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History / Ed. A. Mehl, O. Gabelko, A. Makhlayuk. Stuttgart: F. Steiner, 2013. S. 93—116 (1,6 п.л.).

27 *Ладынин И.А.* «Завоеватель Сесонхосис»: Войны Шешонка I в Азии и их вероятное отражение в античной традиции о великом египетском царе-завоевателе // Восток, Европа, Америка в древности. Выпуск 3: Труды XVIII Сергеевских чтений. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014 (Труды исторического факультета МГУ, 68; Серия II: Исторические исследования, 29а). С. 49—57 (0,8 п.л.).

28 *Ладынин И.А.* От вместилищ богов к магическим помощникам: рецепция переднеазиатского представления о культовых изображениях в позднем и греко-римском Египте // Ученые записки Казанского университета. Т. 156. 2014. Серия «Гуманитарные науки». Книга 3. С. 158—168 (1 п.л.).

29 *Ладынин И.А.* «Правитель чужеземных стран – защитник Египта»: Еще раз об интерпретации двух эпитетов из «Большой автобиографической надписи» гробницы Петосириса в Туна эль-Гебель // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования

Боспорского царства / Отв. ред. тома А.В. Подосинов и О.Л. Габелко; отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 258—281 (1,4 п.л.).

30 *Ладынин И.А.* Сведения Дикеарха Мессенского о великом египетском царе – устроителе и завоевателе // Аристей. 2014. Вып. 9. С. 21—57 (2,5 п.л.).

31 *Ladynin I.A.* The Argeadai Building Program in Egypt in the Framework of Dynasties' XXIX—XXX Temple Building // Alexander the Great and Egypt: History, Art, Tradition. Wrocław/Breslau 18./19. November 2011 / Ed. V. Grieb, K. Nawotka, A. Wojciechowska. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 2014 (Philippica; 74). P. 221—240 (1,6 п.л.).

32 *Ladynin I.A.* An Egyptian Priestly Corporation at Iran: A Possible Case of "Forced Mobility" on the Eve of the Macedonian Conquest // Mobilität in den Kulturen der antiken Welt: Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 11, 2011 / Hrsg. E. Olshausen, V. Sauer. Stuttgart: F. Steiner, 2014 (Geographica historica; 31). S. 343—354 (1 п.л.).

33 *Ладынин И.А.* Реминисценции царствования Сенусерта I в сведениях Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе // Aegyptiaca rossica. Вып. 3. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. С. 136—156 (1,4 п.л.).

34 *Ладынин И.А.* Сакральная царственность богов в текстах гераклеопольских вельмож начала македонского времени // Петербургские египтологические чтения 2013—2014. Памяти Ю.Я. Перепелкина. К 110-летию со дня рождения. Доклады (Труды Государственного Эрмитажа, 76). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 122—131 (0,9 п.л.).

35 *Ладынин И.А.* Обозначения сатрапа Птолемея в египетских иероглифических текстах // Aegyptiaca rossica. Вып. 4. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2016. С.228—245 (1,4 п.л.).

36 *Ладынин И.А.* Труд Манефона Севеннитского и история Египта I тыс. до н.э. в исследованиях В.В. Струве // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). С. 73—104. (2,2 п.л.).

37 *Ладынин И.А.* К эволюции Хоровых имен Александра Великого (по материалам надписей в храмовых постройках Фив и Гермополя) // Вопросы

эпиграфики. Т. 9. М.: Русский фонд содействия образованию и науке 2016. С. 51—73 (1,2 п.л.).

38 *Ladynin I.A.* Defense and Offence in the Egyptian Royal Titles of Alexander the Great // The Religious Aspects of War. Papers of the International Conference, University of Gdansk and University Ateneum**,** 16—18 May 2014 / Ed. Krz. Ulanowski. Leiden: Brill, 2016 (Culture and History of the Ancient Near East; 84 = Ancient Warfare; 1). P. 256—271 (1,1 п.л.).

39 *Ladynin I.A.* An Egyptian Prince at Alexander's Court at Asia? A New Interpretation for the Evidence of the Statuette of the Son of Nectanebo II // Alexander the Great and the East: History, Art, Tradition / Ed. Krz. Nawotka, A. Wojciechowska. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 2016 (Philippica; 103). P. 9—18 (1,1 п.л.).

40 *Ladynin I.A.* River Boundaries in the Classical Tradition on the Great Egyptian King-Conqueror // Orbis Terrarum. 2015 Bd. 12. S. 167—180. (1,15 п.л.).

41 *Ladynin I.A.* "Virtual History Egyptian Style": The Isolationist Concept of the *Potter's Oracle* and its Alternative // Greco-Egyptian Interactions. Literature, Translation, and Culture, 500 BCE – 300 CE / Ed. I. Rutherford. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 163—186 (1,3 п.л.).